

Наполненная весёлыми и драматическими событиями сага во многом автобиографична, собирательными образами и написана по реальным и историческим событиям, произошедшим в Афганистане в разное время. Шесть её героев, боевые друзья: Костян (Константин Тевс), Руст (Рустам Тукаев), Монгол (Дархан Бадмаев), Стрела (Герман Стрельцов), Сидор (Сергей Сидоренко), Костёр (Иван Костров) — войсковые разведчики Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, призванные в Советскую Армию осенью 1984 года из разных регионов СССР. Их дружба пройдёт испытание на прочность, начиная с первых дней в учебке, в боевых операциях в Афганистане и по возвращению с войны. Невзирая на тяготы и безвременье, они неизменно оставались верны воинскому долгу, дружбе, рисковали жизнями и с честью выполняли боевые задачи. Вернувшись домой «из-за речки» солдаты необъявленной войны пройдут перипетии 90-х и перевернут страницы истории. Но кто сказал, что Афганистан остался в прошлом?! Однажды вошедший, останется в КРУГЕ КУНДУЗСКОМ навсегда!

История найдёт продолжение уже в нынешнее время, в 2000-е годы, на этапе присутствия в Афганистане объединённых сил западной коалиции ISAF. Участие в ней примет уже сын одного из героев романа Бруно Тевс.

ISBN 978-5-4491-0575-2

9 785449 105752

 DELIBRI

ИЛЬЯС ДАУДИ

В КРУГЕ КУНДУЗСКОМ

ИЛЬЯС ДАУДИ В КРУГЕ КУНДУЗСКОМ

ИСТОРИЯ ГЕРОЕВ, СРЕДИ КОТОРЫХ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ!

ИЛЬЯС ДАУДИ

В КРУТЕ КУНДУЗСКОМ ТРИЛОГИЯ

Кундузский круг — достопримечательность города на северо-востоке Афганистана, представляющая собой круглую площадь с торговыми рядами и вечной суполокой.

Метафорически, в круговороте событий, произошедших в Кундузе, переплелись судьбы людей разных поколений и государств: афганцев, англичан, советских и германских военных. Начиная со времён басмачества, Второй мировой войны, Афганской (1979–1989), и, с 2001 года — Военной операции объединённых сил западной коалиции во главе с США по нынешние дни, Кундуз был и остаётся стратегическим узлом на главном театре «Большой игры».

DELIBRI

МОСКВА

2020

УДК 82-311.6
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Д21

Дауди, Ильяс

Д21 В круге Кундузском. Трилогия / Ильяс Дауди. — М.: Де'Либри, 2020. — 406 с.

ISBN 978-5-4491-0575-2

Наполненная весёлыми и драматическими событиями сага во многом автобиографична собирательными образами и написана по реальным и историческим событиям, произошедшим в Афганистане в разное время. Шесть её героев, боевые друзья: Костян (Константин Тевс), Руст (Рустам Тукаев), Монгол (Дархан Бадмаев), Стрела (Герман Стрельцов), Сидор (Сергей Сидоренко), Костёр (Иван Костров) — войсковые разведчики Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, призванные в Советскую Армию осенью 1984 года из разных регионов СССР. Их дружба пройдёт испытание на прочность, начиная с первых дней в учебке, в боевых операциях в Афганистане и по возвращении с войны. Невзирая на тяготы и безвременье, они неизменно оставались верны воинскому долгу, дружбе, рисковали жизнями и с честью выполняли боевые задачи. Вернувшись домой «из-за речки» солдаты необъявленной войны пройдут перипетии 90-х и перевернут страницы истории. Но кто сказал, что Афганистан остался в прошлом?! Однажды вошедший, останется в КРУГЕ КУНДУЗСКОМ навсегда!

История найдёт продолжение уже в нынешнее время, в 2000-е годы, на этапе присутствия в Афганистане объединённых сил западной коалиции ISAF. Участие в ней примет уже сын одного из героев романа Бруно Тевс.

Уважаемые читатели!

Мой роман о войне и мире, счастье и трагедиях, крепкой дружбе и возвращении к истокам.

Он соткан из множества подлинных историй афганского размирья 1980-х и 2000-х, российского безвременья 1990-х. Его целью я ставил донести сермягу тех далёких и недавних событий без прикрас, дабы вы их почувствовали, а воины-афганцы узнали в героях саги самих себя и своих боевых товарищей. Не зря же эта страница жизни нам особенно дорога.

Ильяс Дауди

УДК 82-311.6
ББК 84(4Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4491-0575-2

© Текст. И. Дауди, 2020

© Издание, оформление, Де'Либри, 2020

МЫ ВСЕ ВЕРНЕМСЯ!

Повесть

*Они прошли сквозь горнило той тяжелой войны
и вынесли на своих юношеских плечах
всю тяжесть этого непростого,
а порой и неблагодарного труда.
На всю оставшуюся жизнь —
они для меня особая гордость,
эталон высочайшего мужества и героизма.*

Генерал-полковник А.И. Скородумов

АЭРОДРОМ ГЕРАТ. АФГАНИСТАН. 26 АВГУСТА 1986 ГОДА — ИТОГОВЫЙ ДЕНЬ ОПЕРАЦИИ «ЗАПАДНЯ»

На взлётно-посадочную полосу аэродрома, один за другим, приземлялись вертолёты Ми-8МТ, возвращавшие из района операции боевые роты. Тем, кому повезло — кто не погиб и не был ранен, — предстояло возвращение бортами Ан-12 в пункт постоянной дислокации в провинцию Кундуз. Разведчики расположились вскрай командно-диспетчерского пункта на пятачке, где провели ночь перед десантированием. Они с тугой вспоминали напряжённые дни операции и выбывших боевых товарищей. Повидаться с ранеными Рустом и Сидором по прибытию в Герат Костру не удалось, и мысль о том, что встреча с ними в Афганистане уже не сулила, зело бередила. Желая отстраниться от мирской суеты, он раскинулся в сторонке на

ИЛЬЯС ДАУДИ

плащ-палатке, положил за спину свой, Руста и Сидора рюкзаки, достал транзистор SANYO и, настроив на рабочую волну, впал в раздумье. Костра удручало, что из дружной шестёрки товарищей в строю остался лишь он один. Перед глазами, друг за другом, представляли пятеро друзей — Руст, Сидор, Костян, Монгол и Стрела. Костёр вспомнил их между собой потасовку в поезде на пути в Сурхандарью, послужившую знакомству, и как всех по прибытию в воинскую часть отобрали в учебную разведывательную роту; три тяжёлых месяца в учебке и совместное участие в череде операций Афганской войны. Вспомнились Костру драматические события прошлого дня — рассказ Руста о безногом деде Ахмадулле, его поутру подрыв на mine, прошитый пулей Сидор и переданная им в горах Кишима спасительная фляжка воды. Из непрерывного потока воспоминаний Костра вернула неожиданно начавшая звучать хорошо запомнившаяся песня авторов Стаса Намина и Игоря Шаферана «Мы желаем счастья вам»:

*...Чтобы было легче в трудный час,
Нужно верить каждому из нас,
Нужно верить каждому,
В то, что счастье есть...*

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСПИТАЛЬ — ДОРОГА ДОМОЙ

ТАШКЕНТ. 340-Й ОКРУЖНОЙ ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ
ТУРКВО ИМ. П.Ф. БОРОВСКОГО. Утро 29 октября 1986 года

От летнего зноя остались лишь воспоминания, но солнце всё ещё грело. День выдался погожий: +22°C.

Руст и Сидор сидели на скамейке в аллее большого госпитального сада у стройных рядов вековых платанов. Мимо них

неспешно попарно прогуливались лечившиеся военные в синей госпитальной робе. Их скорым шагом обгоняли спешившие по долгу службы офицеры в военной форме: майоры, подполковники, полковники с эмблемами военно-медицинской службы на петлицах. По случаю дня рождения Ленинского комсомола в госпитале была суета. На фасадах корпусов развешаны красные флаги, с уличных громкоговорителей, воодушевляя на великие свершения, велегласно звучали бравурные комсомольские песни: «Товарищ Песня», «Песня о тревожной молодости», «Не расстанусь с комсомолом», «Любовь, Комсомол и Весна» и другие. На территорию госпиталя, одна за другой, заезжали персональные служебные чёрные «Волги» ГАЗ-24, прозванные в народе «чёрными вдовами» с крупными функционерами и автобусы с представительными делегациями из Ташкентских обкомов КПСС и ВЛКСМ. Они сбивались в группы с народными узбекскими артистами и вместе проходили праздничным шествием по госпитальным палатам, вручая раненым воинам-интернационалистам ценные подарки и памятные сувениры. За ними к входам госпитальных отделений на бортовых ЗИЛ-130 с огромными казанами плова и ящиками спелого винограда подъезжали сотрудники Ташгоробщепита в белых колпаках и халатах и спорко разгружали угощения. Руст и Сидор только что прошли медкомиссию и были признаны негодными к военной службе.

— Поздравляю! Вот и конец нашей ратной службе! — констатировал Русту понурый Сидор. — Получим законно положенные нам 317 рублей за тяжёлые ранения, и поеду в аэропорт за билетами.

— Нет! Так не пойдёт! — не одобрил Руст. — Давай-ка, брат, исполнимся долгом перед заведённой в роте традицией! Всё должно провести так, будто мы возвращаемся домой штатно, не из госпиталя. Короче говоря, сначала поедешь в аэропорт и купишь билеты на ближайшие дни. Затем селимся в гости-

ИЛЬЯС ДАУДИ

ницу «Узбекистан», а вечером наденем парадки с наградами и пойдём отмечать в ресторан «Заравшан». Дембельскую коляску госпиталь мне уже предоставил, так что я теперь на новых колёсах!

Сидор сделал всё, как наустил Руст. Вечером он покатил коляску с ним в расположенный в 10 минутах ходьбы от гостиницы ресторан «Заравшан», но к их приходу свободных мест уже не было. Руст, полный решимости, вадно махнул администратору, и когда тот наклонился, сунул в грудной карман его форменного костюма синюю пятёрку.

— Подбери для нас столик, любезный! — горделиво порядил он.

С кратчайшим током времени по велению администратора два ухарских официанта принесли откуда-то круглый стол и, поставив между другими занятыми гостями и приподнятой сценой, предложили друзьям сесть. Тем временем выступавший вокально-инструментальный ансамбль в ярких вотканых национальных халатах начинал подводку к популярной песне авторов Юрия Энтина и Фарруха Закирова «Учкудук — три колодца»:

*Горячее солнце. Горячий песок.
Горячие губы — воды бы глоток.
В горячей пустыне не видно следа...
Скажи, караванщик, когда же вода?!*

*Учкудук — три колодца,
Защити, защити нас от солнца!
Ты в пустыне спасительный круг,
Учкудук!..*

После исполнения песни, музыканты объявили короткий перерыв и покинули сцену. Пользуясь тишиной на эстраде, к друзьям подошёл молодой услужливый официант и наскоро

принял заказ, принеся на аперитив бутылку советского шампанского. Гомон зала прервал вернувшийся с перерыва и начавший говорить в микрофон долговязый солист ансамбля с чёрными волнистыми волосами и пышными усами:

— Уважаемые друзья! Сегодня у нас в гостях воины-интернационалисты, разведчики Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане Рустам и Сергей! От имени их командира роты, боевого друга и всех гостей сегодняшнего вечера поздравляем ребят с окончанием военной службы в Афганистане и желаем им успехов в мирной жизни! Для них прозвучит знаменитая песня военных лет «Смуглянка».

Её жанр весьма различился от предыдущих песен из репертуара ресторанного ВИА и вызвал в зале оживление и аплодисменты.

*Как-то летом на рассвете
Заглянул в соседний сад,
Там смуглянка-молдаванка
Собирает виноград.
Я краснею, я бледнею,
Захотелось вдруг сказать:
— Станем над рекою
Зорьки летние встречать?!*

*Раскудрявый клен зелёный, лист резной,
Я влюбленный и смущённый пред тобой,
Клен зелёный, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной...*

(Яков Шведов, Анатолий Новиков)

Руст и Сидор огляделись по сторонам в поисках знакомых лиц. В это время из служебного помещения артистов вышли и спустились со сцены в парадной форме капитан Середа и Костёр. Публика тем временем уже дружно подпевала ар-

ИЛЬЯС ДАУДИ

тистам: «Клен зеленый, да клен кудрявый, да раскудрявый резной...» Возликовавшие от неожиданной встречи, командир и подчинённые начали обниматься и хлопать друг друга по плечам.

— Вот так встреча! — возрадовался Костёр.

— Это всё Руст! — поведал Сидор. — Не будем, говорит, нарушать ротных традиций! Покуда все наши ротные дембеля домой так воротались, и мы так поедем!

— Правильно мыслил Тукаев! — одобрил командир Середа.

— А как вы прознали, что мы ноне тута?! — любопытствовал Сидор.

— Начнём с того, что мы, как и вы, верны нашим ротным традициям! — патетично декларировал Костёр. — Поэтому вечером запланировали пойти в «Заравшан». К тому же при регистрации в гостинице нам сообщили, что двое афганцев час назад уже наводили справки, как туда пройти. По описанию мы допустили: а чем чёрт не шутит? Вдруг это вы?!

— Да! — шутейно заметил Руст. — Верность традиции нас и выдала!

Тем временем к столу встретившихся боевых друзей официанты начали подносить бутылки шампанского и цветы, переданные от эмпативных гостей ресторана, приветствовавших их стоячими овациями. Друзья соборно встали и с благодарностью кивнули им в ответ. После шумного застолья с яркими воспоминаниями командир и друзья вернулись в гостиницу. Утром, встав пораньше, Костёр съездил за билетом на тот же авиарейс, которым летели Сидор и Руст. Посидев с капитаном Середой в гостиничном кафе на дорожку, друзья в парадной форме с орденами и медалями и скромными пожитками в дембельских дипломатах, двинулись на такси в аэропорт.

— Руст, ты подожди нас тут, — попросил Костёр, подкатив его на коляске к панорамному окну в зале Ташкентского аэропорта, — а мы с Сидором быстро узнаем, нет ли задержки рейса, и купим что-нибудь поесть.

С этими словами они приставили вплотную к колёсам коляски три дипломата и удалились.

В аэропорту была суголока, виделось много возвращавшихся из Афганистана дембелей в парадной форме с однотипными дипломатами, в которых они везли родным подарки, а кто-то ещё скромные солдатские накопления чеков Внешпосылторга. Дембеля с пиететом приветствовали Руста, а многие инно подходили пожать ему руку. Вместе с тем Руст чувствовал на себе прикованные взгляды стоявших в сторонке и не внушавших доверия двух молодых людей. Они егозили, переводя взгляды от оставленных у коляски дипломатов на подогнутые брючины его культи, выжидая, пока Костёр с Сидором отстранятся подалее. Инвалид на коляске, полагали злокоманы, не окажет им сопротивления. Когда Костёр и Сидор исчезли в толпе, они порато сорвались к дипломатам. Но Руст загодя разгадал их устремления и громко свистнул. Не успели байданщики¹, схватив за ручки дипломаты, рвануть с места, как он кинулся и вцепился мёртвой хваткой им в руки.

Неспособные освободиться от безногого инвалида, они волокли его по гранитному полу к выходу, отбиваясь кулаками и локтями. Но Руст держался стойко. Свист и шум потасовки донёлся до Костра и Сидора. Друзья рванули на помощь и, подбежав к байданщикам, стали их крепко бить. Это продолжалось недолго. Наскоре возникшие милицейские дежурные аэропорта, сбойливый старшина и черемный сержант, оттащили разъярённых друзей в сторону. Грабителей вывели из зала в наручниках и, посадив в жёлто-синий милицейский УАЗ-469, куда-то повезли. Но Сидор, Руст и Костёр сильно сомневались, что следующим днём эти же лица не станут орудовать в аэропорту вновь. Друзья дождались объявления посадки на рейс «Ташкент — Москва» и, сев в комфортный авиалайнер Ту-154, покинули Азию.

---

¹ Байданщики — вокзальные воры (термин по фене).

ИЛЬЯС ДАУДИ

ПОЕЗДКА В ЛЕНИНГРАД

СПУСТЯ 8 МЕСЯЦЕВ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ СИДОРА,
КОСТРА И РУСТА ИЗ АФГАНИСТАНА

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД, середина лета 1987 года

Друзья: Сидор — Сергей Сидоренко, Руст — Рустам Тукаев и Костёр — Иван Костров — в ноябре 1986 года вернулись с Афганской войны и, окунувшись в мирную жизнь, начали налаживать быт. Сидор — кавалер ордена «Красной Звезды» и двух медалей «За Отвагу», пользуясь преференцией ветерана войны, поступил на рабфак исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Руст, пройдя вместе с ним череду госпиталей в Афганистане и Ташкенте, встал на протезы и восстановился на первом курсе экономического факультета Московского института нефти и газа им. И. М. Губкина, откуда призывался в армию. А Костёр, отмеченный двумя орденами «Красной Звезды», возвращаться в институт, откуда призывался в армию, не стал, а решил поступить в Высшую школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. По предложению Руста в дни студенческих каникул друзья решили навестить в Ленинграде маму погибшего Стрелы — Людмилу Васильевну. Она приезжала к сыну в Сурхандарью на присягу и угощала всех шестерых — Костяна, Монгола, Стрелу, Руста, Костра и Сидора — купленными в местной базарной чайхане самсой и пловом. Поездка осложнялась тем, что записная книжка, содержащая домашние телефон и адрес Стрелы, была утрачена раненым Рустом вместе с разрезанным медиками маскхалатом перед хирургической операцией в гарнизонном госпитале Шинданда¹. В его памяти после перенесённой вместе с ранением тяжёлой контузии сохранилось лишь то, что жил Стрела на Полостровском проспекте. Номер его дома, по отрывочным воспоминаниям, был то ли 20, а квартира 25, то ли наоборот, а может, и ни то и ни другое.

Как бы то ни было, Руст, Сидор и Костёр, сев в поезд Москва — Ленинград, тронулись в путь. Они заняли отдельное

---

¹ Шинданд — город на западе Афганистана.

купе и, проговорив в пути всю ночь, утром прибыли на Московский вокзал Северной столицы. Город встретил пасмурной погодой. На площади перед вокзалом, выстроаясь в ряд, стояло десятка два такси со светящими зелёными огоньками. Одетые в модные по времени джинсы и куртки MONTANA и US TOP, купленные в афганских дуканах¹, в кроссовках ROMIKA и Adidas, с яркими спортивными сумками наперевес, друзья привлекли внимание тщедушного, курносого, в потёртой кожаной куртке и несуразной оранжевой кепке таксиста.

— Куда ехать?! — спросил он с прищуром, цвиркнув в сторону.

— Полюстровский проспект, — с нежеланием ответил Руст, оценив моветон таксиста.

Название проспекта было единственное, что он помнил твёрдо.

— Какой дом? — спросил таксист.

— Давай пока на Полюстровский, — дал целеуказание Костёр, — а там будет видно. Начнём с дома 20!

Таксист поглядел на друзей с опаской и указал на свою белую «Волгу» ГАЗ-24 с шашечками. Руст сел вперёд, Сидор и Костёр — на заднее сиденье. После сорока минут езды по широким проспектам и улицам Ленинграда такси въехало в безлюдную, заброшенную промышленную зону со старинными, с царских времён, буро-кирпичными домами с ожидавшими переселения жильцами. Друзья одновременно насторожились.

— Ты куда нас везёшь?! — с напором спросил Сидор.

— Так срежем. Путь будет короче, — ответил таксист, заметно егозя.

Проехав ещё немного, он остановил машину у железной телефонной будки и, посетовав, что забыл что-то выключить дома, отпросился срочно позвонить. Сняв трубку, и, начав с кем-то говорить, он отвернулся. Через некоторое время повернулся, пристально поглядел на ожидавших в машине друзей и, будто проведя рекогносцировку, кому-то о них доложил.

---

¹ Дуكان — торговая лавка, магазин.

ИЛЬЯС ДАУДИ

Друзья не ждали подвоха, пока четверо крепких молодцев, скоро вышедших из подъезда и обежавших вокруг такси, резко не открыли передние и задние двери и не приставили к горлу каждого из друзей финские ножи.

— Деньги и ценности, выкладываем быстро! — прогорланил один из налётчиков. — Иначе порежем на ремни!

Паузы не было. Сидор, Костёр и Руст мгновенно мобилизовались, крепко схватив налётчиков за руки, и, затащив в салон такси, начали жестоко бить и душить. Четвёртый член гоп-компании — акарёнок, сунувшийся в салон через водительскую дверь, — тщетно старался нанести удары по молотившим его корешей кулаками и головами Костру и Сидору, а затем разжать руки Руста, заключившего в клещи и заставившего хрипеть от удушья третьего подельника. Таксист с ужасом наблюдал за происходившим из телефонной будки. Драка внутри автомобиля вскоре перенеслась на тротуар, где спустя пять минут Сидор добивал крайнего налётчика, лицо которого напоминало мякоть переспевшего арбуза. Трое его поддельников, к тому времени обработанные Костром и Рустом, смирились с разгромом и, бросив кореша, хромя, держась за бока и вытирая с лица кровь, поспешно удалились. Как только сковники¹ покинули место нападения, из окон завешанного сохнувшим бельём дома послышался женский крик: «Бандиты! Ты посмотри, что среди бела дня делают, а?! Сейчас в милицию позвоним!»

— Вакханалия! — отметил Костёр, сплюнув на тротуар кровавую слюну.

— Видел бы покойный Стрела, как его родной Ленинград принимает ратных наперсников, непременно огорчился бы! — пригорюнился Сидор.

За этим разговором к машине вернулся таксист. Он был в смятении от неожиданного исхода и, не сумев скрыть взбучку, подтвердил подозрение друзей в своей причастности к налёту.

---

¹ Сковники — сообщники, соучастники.

— Что, штопарь-закоульщик¹, привёз нас на гоп-стоп?! — припёр его Сидор. — Ты у них за тиуна²?! В ответ таксист стал без умолку лотошить, скабрёзно кляня приневоливших его басивал³. — Будешь теперь нас возить по городу нашармака, пока не отыщем искомого адреса или наш крепко контуженый споборитель впрасол вдруг не встямится! Или нам огулом заслаться на съезжий двор?! Выбирай, клеветр презренный!

Таксист благоразумно выбрал первое. Друзья заехали сначала на Полюстровский проспект, дом 20, квартира 25, потом в дом 25, квартира 20, а затем ещё и по другим со схожими цифрами 0, 2, 5, адресам, но не находили квартиры Стрельцовых. При проверке очередного места друга, направлявшиеся к подъезду дома, услышали за спиной визг шин, рванувшего с места такси.

— Сбросил кандалы, ракалия! — пошутил Сидор.

— Вот незадача! — затужил Костёр.

— Надо искать районный военкомат РВК, к которому прикреплён Полюстровский проспект, — домекнул Руст.

— Верная мысль! — поддержал Сидор.

Узнав от одного из прохожих адрес ближайшего РВК, друзья тотчас направились в путь. Уже через пятнадцать минут они стояли у дверей военкомата.

Наступил вечер пятницы. Рабочий день к тому времени уже закончился, дверь в РВК была заперта, и на стук никто не отвечал. Друзья обошли здание с тыльной стороны и, обнаружив служебный вход, постучались. Из-за двери без политеса коротко спросили:

— Чего надо?!

— Здравствуйте! Мы ветераны-афганцы. Приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афганистане нашего товарища, — громко проговорил Руст. — Его звали Стрельцов

---

¹ Штопарь-закаульщик — уличный грабитель на воровском жаргоне.

² Тиун — управитель из обельных холопов в Древнерусском государстве.

³ Басивала — грабитель, вор, уголовный элемент.

ИЛЬЯС ДАУДИ

Герман Владимирович. Могли бы вы дать нам домашний адрес Стрельцовых?

— Ничего не скажем! — ответил за дверью грубый мужской голос. — РВК таких сведений не даёт! Приходите в понедельник в 8.00 к дежурному.

— Вы, наверно, не поняли?! — вмешался Костёр. — Мы приехали из Москвы и не можем ждать до понедельника. У нас в этом городе никого нет!

За дверью замолчали. Отчаявшись получить адрес Стрельцовых, друзья сели на ступеньки служебного входа и призадумались: что делать дальше? Внезапно морок внутреннего двора РВК осветился яркими фарами съезжих с двух сторон жёлто-синих милицейских УАЗ-469 с включёнными мигалками и сиренами. Слетевшие с них два наряда патрульно-постовой службы ППС из местного РОВД, ничего не выясняя, пустили в ход резиновые дубинки, не давая друзьям вставить даже слово. Остановить шквал ударов словами не удавалось. Чтобы умерить пыл запредельно усердствовавших блюстителей порядка, друзья прибегли к силовому сдерживанию. Однако силы были неравны. Прикрывая от ударов дубинками голени, лежавший на асфальте Руст прокричал:

— Нам кто-то объяснит, в чём наша вина?!

— Сейчас мы повезём вас в РОВД и там продолжим объяснять, в чём ваша вина! — изрёк дебелий старшина с чёрными усами в виде подковы, защёлкивая за спинами лежавших ничком друзей, наручники. — А ещё наши сотрудники снимут в травмпункте побои, и на вас откроют уголовное дело по статье 191 часть 1 — за неповиновение и оказание сопротивления сотрудникам милиции с применением насилия и угроз при исполнении ими обязанностей службы.

Друзей затолкнули в УАЗ-469, в отсек для задержанных. Дверь за ними, оглушительно клацнув, захлопнулась. Неутомимый злокоманый старшина прильнул потным круглым лицом с мефистофельской улыбкой к оконной решётке и желчно проговорил:

— А с учётом устойчивой группы каждый из вас получит по пятёрке!

В ответ, Сидор приник вплотную лицом к сизому носу старшины и негромко пропел:

— «Рояль раскрыт, ты подошла, и ты промолвила: Твоя любовь запала в сердце глубоко». Чудак кавайный! — балагурил он неунывно с измазанным лицом и рассечённой губой, отряхивая пыль с джинсовой куртки, пуговицы которой были вырваны с корнем.

— Ничего не скажешь, радушный приём! — поддержал юмор Костёр. — Сначала гопники, потом «куртуазный» дежурный РВК, а под занавес и милиция родная поучаствовала. Что будет дальше, не берусь даже предположить.

— А мы не к ним приехали! — веско привёл Руст, сжимая от боли высунутые из протезов посиневшие культы голеней.

— Это верно! — согласился Костёр.

— Ну как ты?! — с эмпатией поинтересовался Сидор, взирая, как Руст вдевает культы обратно в протезы.

— Штатно! — по-военному ответил Руст. — В Герате было хуже!

Внедолге милицейский УАЗ-469 подъехал к районному ОВД, и друзей препроводили в камеру предварительного заключения, называвшуюся в ленинградском простонародье «Аквариумом». Сюда со всего района свозили участников чрезвычайных происшествий, внутрисемейных разладов и прибывшую на матч 18-го тура 50-го юбилейного Чемпионата СССР с ленинградским «Зенитом», пылкую торсиду тбилисского «Динамо», успевшую рукоприкладно поспорить с автохтонными любителями футбола. Некоторых из них выводили на допрос, а о друзьях-афганцах совершенно позабыли, словно их и не существовало вовсе.

— Оно, может, и к лучшему, — мерекали они, — чего будить лихо.

Не докучая дежурному вопросами, Сидор, Руст и Костёр разлеглись на деревянных скамейках и, повспоминав события ар-

ИЛЬЯС ДАУДИ

мейской службы, а в них и павших Стрелу, Монгола и Костяна, заснули.

Наступило утро. Дверь в камеру отворил заступивший на дежурство невысокого роста и интеллигентного вида, приятный, светловолосый капитан.

— Тихо! Тихо! Посторонись! Уроженцев чайного края допросим последними! — иронично уведомил он смятых в кулачной сече неугомонно горланивших болельщиков «Динамо-Тбилиси» и, протиснувшись в глубь заполненной камеры к лежавшим на скамейках друзьям, спросил:

— А вы, камрады, за какой выдающийся подвиг к нам удостоены?!

— Да не было подвига! — отреагировал Руст.

— Не было, говоришь? — усомнился капитан. — Ну пойдём со мной, расскажешь всё обстоятельно. А дружки твои подождут пока в камере.

Руст прошёл за дежурным в комнату, где стояли мигавший лампами большой пульт и куча телефонов, трещавших без устали.

— Присаживайся! — предложил дежурный-капитан и начал толковать. — В Книге учёта лиц, доставленных в РОВД, и Журнале учёта материалов об административном правонарушении записано: «Вчера около 19.30 группа нарушителей общественного порядка была в дверь Районного военного комиссариата, требуя впустить их вовнутрь. На требование дежурного РВК удалиться дебоширы не только не реагировали, а нецензурно выражались и грозили рукоприкладством». Что можешь пояснить по данному поводу? Только по существу!

— Не было этого, — препирался Руст, — мы вели себя пристойно. Объяснили правдиво, как есть, что приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афганистане друга. Поскольку номер дома и квартиры, где он жил, у нас не сохранился, а только название проспекта, мы решили обратиться за помо-

щью в райвоенкомат. А добраться до него обстоятельства позволили нам только вечером.

Вчера, как известно, была пятница — конец трудовой недели и короткий рабочий день. Военкомат к нашему прибытию был уже закрыт. Нам не оставалось ничего другого, как обратиться к дежурному РВК, чтобы он помог с адресом. Он оказался заскорузлым, не пожелав гуманно войти в наше положение да ещё цинично послал до понедельника. В довесок вызвал два наряда милиции, задержавших нас жёстко, с применением силы.

— Складно гуммируешь! — оценил необлужно капитан. — Покажи-ка вначале свой паспорт и назови полное имя матери погибшего друга.

— Вот мой паспорт! — Руст протянул его капитану. — А маму покойного друга зовут Стрельцова Людмила Васильевна, она живёт на Полюстровском проспекте.

Капитан пролистнул паспорт, убедился в московской временной студенческой прописке и вернул его.

— Сейчас я запрошу по базе, — сообщил он и, сняв трубку, проговорил: — База! Посмотрите мне, Стрельцова Людмила Васильевна, Полюстровский проспект.

Внедолге ему ответили. Он возбудился, прижал подбородком к плечу трубку и, спешно порвав чистый лист бумаги пополам, повторяя за голосом на линии, быстро написал адрес: дом 5, квартира 20 — и номер домашнего телефона.

— Держи! Сейчас наберём ей по телефону, — намерился капитан.

— Не надо! — резко пресёк Руст. — Её лучше не бередить раньше времени. Мы подъедем и на месте всё решим.

— Как знаешь, — не возразил капитан.

Они вернулись к камере, капитан выпустил оттуда Сидора и Костра и, сопроводив всех троих к выходу, приготовился закурить. В этот момент в дверях им встретился привёзший надьсы друзей в РОВД водитель УАЗ-469.

ИЛЬЯС ДАУДИ

— Гриша! Подбрось афганцев на Полюстровский, 5! — по-свойски призвал капитан.

Сидор, Руст и Костёр переглянулись.

— Нет, спасибо! — с улыбкой отверг Руст. — Мы охотно своим ходом.

Утро было пасмурным. Откуда-то слышалась песня «Звёзды нас ждут сегодня» популярной в конце 1980-х группы «Мираж». Воодушевлённые обрётённой свободой, друзья остановили такси и, купив по пути торт и цветы, приехали на Полюстровский, дом 5. Они легко нашли нужную квартиру, и Руст позвонил в дверь. Послышались шаги, и через несколько секунд дверь открыла высокая седая женщина.

«Глаза у мамы, как и у Стрелы, такие же голубые-голубые», — заметил про себя Руст.

— Здравствуйте Людмила Васильевна! Мы Герины армейские друзья! Вы нас помните?

— Боже мой, ну, конечно же я вас помню! Проходите, ребята! — пригласила она войти.

Друзья заметили у Людмилы Васильевны кручину, наполнившую её очи слезами, и сконфузились. Костёр передал цветы и торт. Друзья помыли с дороги руки и направились в зал. Проходя мимо маленькой комнаты, их взгляд зацепился за висевший на стене большой портрет с улыбавшимся Стрелой. Друзья на мгновение оцепенели.

— Проходим дальше! — тихо скомандовал Руст.

Они зашли в зал и сели в мягкие кресла и на диван. Навверху серванта в вертикальном положении стоял катушечный магнитофон МАЯК-203 с бобинами и заправленной лентой. Было ощущение, будто Стрела, поклонник творчества советских рок-групп «Воскресенье», «Динамик», «Крузи», «Карнавал», лишь ненадолго вышел из комнаты, выключив его. За стеклом в рамке стояла коллективная школьная фотография.

— Ребята, помогите мне раздвинуть стол, — попросила принесшая вазу с цветами Людмила Васильевна.

Друзья дружно встали, споро выдвинули и соединили воедино две столешницы, накрыв их скатертью и засервировав.

— Скоро будут готовы вареники с картошкой и творогом, Гера их обожал, — поделилась воспоминаниями из светлого прошлого Людмила Васильевна. — Я как чувствовала, налепила их с запасом и положила в морозильник. Герини одноклассники меня всё время навещают и на кладбище к нему ездят. Бывает, поеду туда, а на могилке цветы свежие — помнят. Спасибо им!

Друзья, опустив взгляд, молчали. На их сердцах лежал тяжёлый камень, ведь они вернулись живыми, а её сын Герман — их товарищ Стрела — погиб. Каждый из них вспоминал тот бой в Хост-Ва-Ференге и думал, можно ли было предотвратить его гибель, а с ней, Монгола и Костяна.

Людмила Васильевна отлучилась ненадолго на кухню и, подав горячие вареники, пригласила всех за стол.

— Вот и собрались, — произнесла она сумно, утерев слезу.

— Мы хорошо помним, как вы приезжали к Герману на приёму в Сурхандарью, — начал Руст, — как угощали нас шестерых пловом и самсой. Их вкус у нас до сих пор во рту.

Людмила Васильевна с грустью улыбнулась.

— Герман, наверняка писал вам о нас, и всё же я напомним наши имена: я — Рустам Тукаев, справа от меня — Сергей Сидоренко, слева — Иван Костров. Нас было шестеро, трое, ваш сын Герман, Константин Тевс и Дархан Бадмаев погибли. У нас нет для вас слов утешения, — продолжил Руст уже стоя, — их ещё не придумали для матери, потерявшей единственного сына. Но мы втроём постараемся хотя бы частично заменить вам Германа.

Друзья встали и молча помянули друга. Затем, с разрешения Людмилы Васильевны, Сидор снял висевшую на стене гитару и, настроив, запел песню барда-афганца Юрия Кирсанова:

ИЛЬЯС ДАУДИ

*Не надо нам громких тостов,
Не надо бокалов звона,
Не в радость нам эта водка,
Что в кружках у нас сейчас.*

*Останутся в памяти нашей
Запыленные батальоны
И погибшие наши ребята,
Что всегда будут жить среди нас.*

*Первый тост — за ушедших в вечность,
Пусть же будет земля им пухом.
Мы запомним их всех живыми,
Тихим словом помянем их.*

*Тост второй — за удачу и смелость,
За ребят наших, сильных духом,
Чтоб остались душой молодыми
И друзей не бросали своих.*

*На суровой земле афганской,
Под чужим, неласковым небом,
Родилась наша крепкая дружба,
Что в бою выручала не раз!*

*За нее третий тост поднимем
И поделимся солью и хлебом,
Пусть же вечная будет та дружба,
Здесь навеки связавшая нас!*

Отведав любимых Гериных вареников и поговорив за столом, друзья предложили Людмиле Васильевне поехать на его могилу. Было пасмурно, всё ждало дождя. Друзья взяли такси и выдвинулись к Северному кладбищу. В дороге, на проспектах

и улицах города спорадично встречались болельщики «Зенита», загодя сбивавшиеся в кагалы перед походом на стадион им. С. М. Кирова. Когда добрались до кладбища, к месту, где были похоронены погибшие в Афганистане воины-интернационалисты, взору друзей предстал длинный ряд свежих могил. С фотографии на памятнике одной из них глядел молодой лейтенант-лётчик в парадной форме. Под его именем была высечена эпитафия:

«Ты моя радость, моё горе, моя любовь, моя печаль».

— Этого парня привезли давеча и памятник на могилу поставили тем же месяцем, не выдержав времени, пока земля осядет, — поведала Людмила Васильевна, проходя за спинами застывших у могилы с бередившей надписью на памятнике Сидора, Костра и Руста.

Свежие захоронения воинов-афганцев заслонили могилу Стрелы, оставшуюся в глубине. Дойдя до неё, друзья увидели выгравированные в светло-бордовом граните фотографию и имя: «Стрельцов Герман Владимирович. Воин-интернационалист». На могиле лежали несколько букетов свежих роз и гвоздик.

«Молодцы одноклассники!» — подумали про себя Руст, Сидор и Костёр.

— Здравствуй, сынок! Вот и друзья к тебе приехали, — спокойно произнесла Людмила Васильевна.

Она постояла недолго, глядя на фотографию сына, и, полив водой из бутылки на отрезок материи, начала вытирать памятник от пыли. На безмолвно взиравших из-за её спины друзей это произвело тягостное впечатление. С фотографии улыбался благодушный по жизни Стрела.

— Великая Отечественная война застала меня полугодовалым ребёнком в Пскове, — стала рассказывать Людмила Васильевна при выходе из кладбища, — кроме меня в семье были ещё старшие: сестра 1938-го и брат 1939 года рождения. Нас, троих маленьких детей и маму, немцы отправили в концентраци-

ИЛЬЯС ДАУДИ

онный лагерь близ Кёнигсберга, а освободили из застенков части Красной армии. После войны, окончив среднюю школу, я поступила в Псковский политехнический институт, где познакомилась с будущим мужем Владимиром Стрельцовым. Вскоре мы поженились, и у нас родился сын Герман. Жили мы счастливо, пока в 1971 году Владимир не погиб в автомобильной катастрофе. Так я осталась вдовой с четырехлетним сыном на руках. Всю жизнь проработала на одном из крупных оборонных предприятий и не стремилась устроить личную жизнь, посвятив себя целиком Гере. Школу он окончил на хорошие оценки, однако в институт решил поступать уже после армии. В 18 лет, в октябре 1984 года, очевидно, как и всех вас, с первой группой призывников Геру направили в Туркестанский военный округ в Сурхандарью. Что произошло дальше, вам известно.

Вернувшись на Полюстровский проспект в квартиру Людмилы Васильевны, друзья сходили за продуктами, и Руст приготовил узбекский плов. За ужином вновь помянули Стрелу. Когда встали из-за стола и покинули зал, то заглянули в комнату с портретом друга. Войдя в неё, обратили внимание на следы обильного соседского затопления сверху. На потолке, углах и стыках стен виднелись большие высохшие подтёки и отклеившиеся обои.

— Да это наш новый сосед, Яков Иткин, — без злости указала Людмила Васильевна, унося посуду на кухню, — затопил меня ещё в конце зимы. Он человек видный — директор двух магазинов «Берёзка» на Морской набережной, где ватажуются все ленинградские фарцовщики. Иткин купил две смежные квартиры и объединил их в одну. Соседи говорят — что подарок молодой любовнице — будущей оперной диве Мариинского театра. В глобальном ремонте Иткин решил поменять все трубы и отопительные батареи. А ремонтники его что-то недоглядели. За минувшие полгода я уже несколько раз ходила в ЖЭК и к нему лично обращалась, чтобы устранил последствия затопления, — всё без толку.

— А мы с ним завтра непременно познакомимся, — заверил Руст, — и обязательно урегулируем этот вопрос.

В это время на стадионе им. С.М. Кирова начался матч Чемпионата СССР по футболу между ленинградским «Зенитом» и тбилисским «Динамо». Костёр, яростный болельщик московского «Спартака» — давнего соперника «Зенита», с интересом засел у телевизора, желая поглядеть его трансляцию. На стадионе было облачно. В начале встречи хозяева поля неизменно теснили гостей, и на 8-й минуте ведущий форвард «Зенита» Владимир Клементьев хлётким ударом в верхний угол забил в ворота динамовцев Тбилиси зрелищный гол. Счёт стал 1:0. Из окон и с балконов ближайших домов раздались крики и свист ликовавших болельщиков «Зенита». Спустя короткое время шум стих, игра продолжилась. Людмила Васильевна, отказавшись от сторонней помощи, тем временем крутила мясной фарш для котлет, а Руст и Сидор, безразличные к футболу, остались в комнате Стрелы и продолжили вечер воспоминаний. Внезапно общение прервали доносившиеся сверху крики.

— Ты слышал?! — спросил Сидор у Руста.

— Слышал! — подтвердил Руст.

Через мгновенье голоса свыше заглушил усилившийся звук телевизора, транслировавшего футбольный матч.

— Сидор! А ну-ка кликни Костра, сходим разведаем, что там происходит, — предложил Руст.

Ничего не сказав, они спешно обулись и покинули прихожую.

— Ребята, вы куда? — бросила им вслед Людмила Васильевна.

— Мы ненадолго, — заверил Руст, прикрывая за собой дверь.

Друзья торопко поднялись на этаж выше и, повернув ручку незапертой двери, вошли внутрь. В квартире стоял полумрак, пахло сигарным дымом. Свет исходил от тускло светивших в коридоре старинных бра и высокого торшера с жёлтой ажурной тканью в ближнем углу зала. Что происходило внутри него, из прихожей было не видно. Зато заметилась под туалетной дверью полоска света. Руст обратил на это внимание Костра и, показав

ИЛЬЯС ДАУДИ

ему жестом остаться прикрыть, сам двинулся вперёд. Сидор шёл следом. Медленно ступая по фигурному ореховому паркету, вдоль стен, оклеенных финскими обоями Sandudd, мимо комнат с антикварной мебелью в стиле Bouille эпохи короля Людовика XIV, они подошли к зале, где громко работал телевизор. Там, коротко стриженный высокий и плечистый битюг в джинсах Lee Cooper и ветровке Marimekko нависал над сидевшим в антикварном кресле эндоморфным¹ мужчиной лет 35-ти, с обильным волосатым покровом тела и трёхдневной щетиной. В руках громила держал подключенный к сети утюг. На терпелинике красовались цветастые семейные трусы и белая майка. Руки и ноги его были связаны, во рту был кляп. Чуть поодаль, в глубине залы, на парном кресле сидела сходно упакованная, дивной красоты и изящных форм молодая дама. Локоны её волнистых каштановых волос были раскинуты на верхнем кружеве короткой, цвета маренго, шёлковой сорочки, стройные бёдра оголены. Сбочь на диване, закинув руки за голову и ногу на ногу, не отвлекаясь на неземную красоту, сидел ригидный акарёнок, отрешенно следивший за ходом футбольного матча.

— Аха, их трое! — сообразил Руст — Чем же нам их ошеломить?!

В этот момент открылась дверь туалета и показался третий сообщник. Костёр, не дав ему опомниться, точным прямым ударом в подбородок втолкнул его обратно. Шла шестнадцатая минута матча, и на стадионе зарядил проливной дождь. В ходе игры из-за нарушения правил футболистом «Зенита» судья Эдуард Дидур назначил штрафной по воротам хозяев поля. Пробить его тренер тбилисцев Кахи Асатиани доверил Отару Коргалидзе. Сильным ударом тот поднял мяч над стенкой и направил в дальний от вратаря верхний угол. Раздосадованный пропущенным голом, акарёнок вскочил с дивана и проматерился, сподвигнув друзей к решительным действиям. Сидор

---

¹ Эндоморфный — тип строения человека с округлёнными формами, вялыми руками и ногами.

рванулся в комнату и резко выдернул из электросети кабель телевизора, а Руст вытащил из грудного кармана джинсовой куртки красное удостоверение «инвалида войны» и плотно, чтобы не разглядеть надписи, приставил в развёрнутом виде к лицу остолбеневшего садюжника:

— ОБХСС! Отдел борьбы с хищением социалистической собственности! До подхода опергруппы и сотрудников прокуратуры всем оставаться на своих местах! — истово прогорланил он, войдя в роль.

Притеснители были обескуражены.

«Вот мы попали! — подумали они. — По ходу директор „Берёзок“ Иткин был в разработке в ОБХСС?! А нам паровозом за его грехи чалиться?»

«Однако не слишком ли молоды и ладно одеты эти опера?! Скорее мошенники залётные», — домекнул их старший, битюг.

Выяснение личностей обэхаэсников, вломившихся в квартиру, требовало времени. Не дав терзателям завершить умозаключения, Сидор схватил за горлышко матово-зелёную бутылку с объёмным теснением буквы «N» и золотистой надписью «SAMUS NAPOLEON», стоявшую на мраморной столешнице рядом с вазой, заполненной фруктами, и коробкой сигар Partagas, и, замахнувшись, ударил о голову битюга, расколов на мелкие осколки. Пытатель рухнул на пол к ногам хозяина квартиры. Янтарного цвета элитное питьё разлилось по полу, раздав дуновеньем букет ароматов переспевшего инжира, спелого персика и цветочной ванили с тонами грецкого ореха, древесными нотками тика и палисандра. Сидор посмотрел на него сверху и тихо пропел:

— «Рояль закрыт, и не звучит моё любимое, Тобой забытое весеннее танго».

Потрясённый увиденным, акарёнок робко попытался встать с дивана, но, увидев жест ладонью вытянутой руки и золый знак Сидора, повелевшие не сходить с места, безропотно покорился. Руст переступил через распластанного посреди колотого стекла

ИЛЬЯС ДАУДИ

и разлитого коньяка тихо вывшего, державшегося за голову битьюга, и, наклонившись, вытащил из рта терпельника кляп.

— Телефон где? — спросил он коротко.

— Там! — кивнул головой в сторону связанной спутницы жадно вдыхавший воздух мужчина.

Руст подозвал Сидора и на ухо тихо проговорил:

— Запри дверь и держи с Костром оборону! Так, чтобы никто не выскользнул! Отворишь, когда придет милиция!

Руст отыскал переносную телефонную трубку и, прозорливо не развязав хозяина квартиры, нажал у него на глазах две кнопки — 02. Когда на обратной стороне связи ответили: «Милиция», Руст приложил трубку к его щетинистой щеке и приказал: «Говорите!» Обрадованный не законоломностью второй группы, хозяин квартиры грассировал без продыху.

— Приезжайте, пожалуйста, срочно! Моя фамилия Иткин, зовут Яков Ильич. На меня совершенно нападение!

— Ваш адрес? — строго спросили на проводе.

— Полюстровский, дом 5, квартира 24, — продиктовал Иткин.

— Наряд уже выезжает, ждите! — уведомили на линии.

Услышав разговор с милицией, сидевший на диване акарёнок, поразмыслив, вскочил и метнулся к выходу, но был остановлен железным кулаком Костра и слёг в коридоре. Милиция прибыла скоро. Её сотрудники развязали сладкую парочку, а остальных фигурантов пассажа, в их числе Руста, Сидора и Костра, до выяснения обстоятельств заковали в наручники и повели к выходу. Услышав в подъезде шум и увидев во дворе милицейские машины, Людмила Васильевна с тревогой в сердце и мыслью — не страялась ли с ребятами беда? — вышла на лестничную площадку. В это время по ней в сопровождении вооружённых сотрудников милиции, с защёлкнутыми за спиной наручниками, спускались шестеро молодых людей. За ними шли прихрамывавший Яков Иткин и его очаровательная сошественница.

— Людмила Васильевна, не беспокойтесь! Ложитесь спать, — успокоил Руст, пообещав: — Мы к утру непременно будем!

— Давай, давай! Не размусоливай! — вставил вперекор низкого роста, неказистый старший лейтенант с тощим лицом, подталкивая задержанных до милицейского уазика.

В РОВД приехали быстро.

— О, старые знакомые! — обрадовался новой встрече куривший у входа в РОВД благожелательный капитан, увидев слезавших с УАЗ-469 Руста, Сидора и Костра. — Что, опять военкомат штурмовали?!

— В этот раз хоть не били! — выгодно заметил Сидор.

Их отпустили под утро — после письменных объяснений пострадальцев — Якова Иткина, его пассии Киры Вайсман и друзей: Сидора, Руста и Костра. Когда, изнеможденные после ночной перипетии, они вышли из РОВД, уже светало. Иткин по телефону вызвал служебную чёрную «Волгу» ГАЗ-24 и, отпустив водителя, сам сел за руль. Гражданка Вайсман села вперёд, а Сидор, Руст и Костёр — сзади. Скоро доехав на Полюстровский проспект, компания вошла в подъезд. На лестничном марше у квартиры Людмилы Васильевны Иткин обратился к Русту:

— Предлагаю завтра в 13.00 прийти ко мне на обед!

Руст на мгновение задумался, но, изнавись вспомнив, что к Иткину есть вопрос по восстановительному ремонту, произнёс:

— Почему нет?! — допустил он, глядя на Костра и Сидора: — Полагаю, ребята тоже будут не против.

В ответ друзья промолчали. Утром они поспали подольше и, погуляв недолго по району, в условленное время вместе с Людмилой Васильевной поднялись к Иткину. К этому времени следы ночного происшествия были уже устранены. К обеденному столу были поданы доставленные из ресторана гостиницы «Астория» изысканные блюда и деликатесы, типа белужьей и кетовой икры, стерляди горячего копчения, сёмги и балыка. На горячее был судак «Орли» под соусом тартар и отбивные бараньи котлетки на косточке. Из спиртного — водка SMIRNOFF и французский коньяк CAMUS NAPOLEON.

ИЛЬЯС ДАУДИ

Иткин пригласил гостей за стол.

— О, да тут амброзия! — изумился Сидор.

Иткин разлил всем в бокалы напитки по предпочтению.

— Что же они хотели от вас, Яков Ильич? — поинтересовался у Иткина, не прикасавшийся к яству, Руст.

— Видите ли, — начал объяснение Иткин, — я директор двух магазинов «Берёзка» на Морской набережной, дома 9 и 15. Наши магазины торгуют аудио-, видео- и бытовой техникой, а также другими дефицитными товарами. Их оплата производится только валютой или чеками Внешпосылторга. Чеки — это такой вид денег. Им оплачивается труд граждан, работающих или служащих за границей.

— Мы знаем, что такое чеки Внешпосылторга, — сообщил Руст, — в Афганистане нам давали чеки, хоть и немного.

— Так вы афганцы?! — возбудился Иткин. — Ну, ладно. Давайте сначала я отвечу на ваш вопрос. Недавними Постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР в связи с перестройкой и гласностью объявлена борьба с привилегиями — «за равенство и социальную справедливость». Правительство СССР приняло решение с первого января 1988 года ликвидировать систему торговли «Внешпосылторг» и закрыть все магазины «Берёзка». Это увеличило и без того ажиотажный спрос на наши товары. Речь идёт об импортной видео-, аудио- и бытовой технике, ну и одежде, конечно. У наших магазинов начали выстраиваться огромные очереди. Обладатели крупных сумм чеков готовы платить сверху много больше, лишь бы успеть их скорее отоварить. С 1988 года торговля в магазинах «Берёзка» будет осуществляться только по безналичному расчёту. Так вот, учитывая, что магазины, которыми я руковожу, находятся в так называемом «Бермудском треугольнике», месте, где вращаются самые разные элементы: от фарцовщиков и валютных путан до бандитствующих элементов, вчерашний инцидент — это лишнее тому подтверждение. Преступники стремятся установить контроль над очередью. Они используют льготные удосто-

верения ветеранов и инвалидов Афганской войны. Ведь афганцы, как вы сами сказали, получали чеки, пусть даже солдаты меньше, а офицеры больше, но все они по закону в равной степени обладают правом отоваривать их во всех магазинах «Внешпосылторга» в любой точке СССР. Разница между удостоверением «Ветерана войны» и «Инвалида войны», заключается в том, что инвалидов мы обязаны обслуживать вне очереди. Вы понимаете, как это упрощает задачу тем, кто замкнул на себя потоки держателей крупных сумм в чеках и валюте?

— Схема понятна! — внял Руст, не проявив к данной теме интереса. — Яков Ильич! У нас к вам житейский вопрос. Вы затопили квартиру многоуважаемой Людмилы Васильевны. — Руст по-сыновьи тепло поглядел на неё. — На протяжении полугода она безуспешно пытается добиться от вас восстановительного ремонта. У нас к вам компромиссное предложение в виде настоятельной рекомендации: обеспечьте нас приличными обоями, клеем, кисточками и другими сподручными средствами, а мы сами в ближайшие дни сделаем ремонт и снимем эту проблему. А то, знаете ли, дела в Москве не ждут. Установить площадь затопленной спальни труда вам не составит. Она идентична вашей. Поэтому, пожалуйста!

— Конечно, конечно! — взволнованно заверил Иткин. — Уже сегодня вечером у вас всё будет. Простите, мне очень неловко, что так получилось! Может, я всё же дам вам рабочих?

— Мы бы не хотели перекладывать эту почётную миссию на посторонних людей и с удовольствием выполним её сами. Так что только материалы! — с улыбкой заключил Руст, переглянувшись с друзьями.

На этом тема восстановительного ремонта была закрыта. В завершении обеда за чаем и десертами Яков Иткин положил руку на плечо Кире Вайсман и горделиво попросил:

— Душа моя! Спой нам, пожалуйста, мой любимый.

Дива с готовностью встала из-за стола и, взяв со специальной подставки акустическую гитару, начала играть перебо-

ИЛЬЯС ДАУДИ

ром и меццо-сопрано исполнять романс «Белой акации гроздь душистые»:

*Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал, и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.*

*Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными!
Как же мы молоды были тогда!*

Все слушали, наслаждаясь божественным голосом и исполнением, всецело согласующимся с внешностью. Когда романс был завершён, все дружно захлопали.

— Восхитительно, ничего не скажешь, — оценил Сидор. — А можно мне сыграть одну из наших? — предложил он.

— Ну конечно! — охотно согласился заинтригованный Иткин и передал ему гитару.

Руст и Костёр переглянулись. Сидор провёл пальцами по струнам и запел песню барда-афганца Игоря Морозова «Я братьев двух когда-то знал»:

*Я братьев двух когда-то знал,
С одним в Афгане воевал,
Ходили к чёрту на рога и к ведьмам в зубы.
Стрелять он был большой мастак,
С десяти шагов менял пятак,
Был по натуре весельчак, хоть с виду грубый.*

*А старший был общественвед,
На все вопросы знал ответ,
Имел отдельный кабинет, машину, дачу,*

*Жил то в Париже, то в Москве,
Имел семь пядей в голове,
Но дело даже не в уме — поймал удачу.*

*И вот, когда, окончив срок,
Мы все покинули Восток,
Домой вернулись те, кто смог дойти до цели,
Явился к старшему меньшей,
Всё ж как-никак, а брат родной.
Тот накрывает стол большой — мол, ждал и верил...*

После этого куплета Людмила Васильевна утерла слезу, сосредоточив на себе сострадательные взгляды Костра и Руста.

*...Там спирт окопный глотки жёг,
А здесь — французский коньячок,
Икорка, сёмга, балычок, язык телячий.
И почему-то вспомнил я,
Как провожали нас друзья:
Чеснок, четыре сухаря и фляжка чачи.*

*Меньшой сидел и молча пил,
Тут старший тост провозгласил
И выпил из последних сил «за тех, кто в море».
И, повертев на свет стакан,
Сказал, икая: «Слышь, братан,
Да брось ты свой Афганистан, он не в фаворе.*

*Пройдёт каких-то пара лет,
Его забудут — был и нет,
Твой автомат и пистолет — глупцам забава.
Иные нынче времена, другие мерки и цена,
Кому нужна твоя война, ну что ты, право.
Бери пример, ну вот с меня.*

ИЛЬЯС ДАУДИ

*На фронте не был я ни дня,
А посмотри — моя семья в шелках и славе.
Имею в обществе престиж,
То в Лондон езжу, то в Париж,
То в Риме с месяц погостишь, а то — в Оттаве».*

*Тут младшего тяжёлый взгляд
Его прервал: «Отставить, брат.
Я не политик, я солдат, и мне до дверцы
Вся философия твоя
И золотая чешуя гнилых сентенций.*

*Да что ты знаешь о войне?
Вы здесь погрязли в барахле,
И лозунг — «я тебе, ты мне» — как песня вам,
А на инога подлеца
Вполне хватило бы свинца,
Неполных девять грамм.*

*Иной до титулов дорос,
А как дорос — ещё вопрос.
Здесь главное — по ветру нос держать умело.
А я хотел бы посмотреть,
Какие песни станет петь,
Он под обстрелом.*

*Чтоб ты в Европу ездить мог,
Дань кровью брал с меня Восток.
Я больше износил сапог, чем ты — штеблет.
Ты здесь в арабскую кровать
С женой ложился почивать,
А там привык на камне спать, я с пистолетом».*

*Мой друг — не мастер говорить,
Умел он в спорах трезвым быть,
Но вижу, начал заводит его браточек,
И друга я увёл к себе во избежание ЧП.*

*Мы с ним бродили по Москве до самой ночи.
Какая б ни была беда, мы слёз не лили никогда.
Обиды горькая вода бойцу опасна.
Друг, стиснув зубы, соль глотал.
Что думал он, о чём гадал?*

*Я думал так же и молчал — всё было ясно.
Потом судьба нас развела,
Его на Север позвала,
Меня замучили дела, работа, дети.
А брат его, общественевед, в Париж уехал на пять лет,
Он там большой авторитет, в посольстве третий.*

Сидор закончил петь, повисла мрачная тишина.

— Ну, нам пора идти! — произнёс Руст.

Друзья и Людмила Васильевна дружно встали и, поблагодарив за вкусный обед, вышли из-за стола.

— Я провожу, — вызвался Иткин.

Когда гости подошли к порогу, Руст пропустил всех вперёд и, прикрыв за ними дверь, обратился к Иткину:

— Яков Ильич! Людмила Васильевна — мама нашего погибшего в Афганистане друга. Она нам как мать. Хотелось, чтобы вы приняли это к сведению.

— Я уже всё понял! — заверил Иткин.

Перед тем как уйти, Руст крепко сжал его руку и, поглядев пронзительно в очи, дал понять, что скрепил этим достигнутую договорённость. Уже вечером в дверь квартиры Людмилы Васильевны позвонили уполномоченные Иткиным люди и сообще-

ИЛЬЯС ДАУДИ

ли, что привезли необходимые для ремонта материалы. Обои оказались той же фирмы, что и у Якова Иткина, — финской Sandudd, и не на одну комнату, а на всю квартиру. К ним прилагались клей и инструменты. Через три дня квартира Людмилы Васильевны была обклеена новыми обоями, а друзья, Руст, Сидор и Костёр, с чувством выполненного долга уехали в Москву.

Шло время. 15 февраля 1989 года Советские войска вышли из Афганистана. Генеральный секретарь ЦК НДПА¹ Президент Афганистана Мохаммад Наджибулла сказал тогда: «Ваш Верховный Совет дал оценку решению о вводе Советских войск в Афганистан в декабре 1979 года. У политиков своя ответственность, и о ней уже достаточно сказано. Я же склоняю голову перед памятью советских людей, которые отдали свои жизни, выполняя воинский долг. Война принесла много горя. Она не сразу забудется. Но не забудется также многими и многими афганцами доброта и мужество советских людей, их бескорыстие и человечность».

Спустя 7 лет Мохаммад Наджибулла вместе с братом будет растерзан талибами в Кабуле.

СОБЫТИЯ ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА. РОССТАНЬ

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ октябрь 1992 года.

Советский Союз скоро год, как прекратил существование. По кремлёвской брусчатке в сопровождении группы западных журналистов шагал радостный иностранный гражданин с открытой бутылкой шампанского в руке. Его имя Роберт Гейтс, он директор ЦРУ США. Под объективы видео- и вспышки фото-камер, он громко заявил: «Я совершаю индивидуальный парад победы, одержанной благодаря сотрудникам моего «управления», которые поняли, что сокрушить советскую империю можно, только организовав взрыв изнутри!»

---

¹ ЦК НДПА — Центральный комитет народно-демократической партии Афганистана.

ПРОШЛО 6 ЛЕТ ПОСЛЕ ПОЕЗДКИ ДРУЗЕЙ В ЛЕНИНГРАД.
МОСКВА, КУТУЗОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, дом 1, 21 сентября
1993 года.

Было малооблачно, моросил мелкий дождь, +12°C, к половине седьмого уже стемнело. На кухне трёхкомнатной квартиры Руста собрались его боевые товарищи: Костёр и Сидор. Повод встречи радостный — у Руста 20 сентября родился второй сын, Самир. К этому времени Костёр окончил Высшую школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского и отобрался в подразделение специального назначения — знаменитую «Альфу». Сидор успешно завершил обучение на историческом факультете МГУ, но по специальности работать не стал, поскольку ещё во время учёбы, с конца 1980-х — начала 1990-х годов, с головой окунулся в бурно развивавшееся кооперативное движение. Занимался решением разноплановых задач: от стратегии перспективного развития до улаживания споров хозяйствующих субъектов. В личной жизни у Сидора также произошли подвижки. Он отыскал на Украине молоденькую медсестру из кабульского госпиталя Ни-ну Полюшкевич, которая после двух лет в Афганистане поступила в Киевский медицинский институт. На праздники и выходные он регулярно ездил к ней в гости.

Руст вопреки полученному в Афганистане ранению, приведшему к ампутации обеих голени, с отличием окончил экономический факультет Московского института нефти и газа им. И.М. Губкина. В конце 1980-х годов он принял активное участие в учреждении всесоюзных и общероссийских организаций ветеранов Афганской войны (1979–1989), разработке нормативной базы и программ по социально-бытовой и медицинской реабилитации инвалидов-афганцев и материальной поддержке семей погибших.

В 1991 году создал и возглавил крупную региональную организацию — Московский городской союз ветеранов Афганистана, став одновременно первым заместителем председателя

ИЛЬЯС ДАУДИ

Российского союза ветеранов Афганистана (РСВА). Учреждённые городским союзом предприятия, используя налоговые преференции, зарабатывали денежные средства и направляли их на уставные задачи организации. В частности, всем инвалидам-ампутантам Москвы и Московской области, включая и себя, Руст заказал протезы германской фирмы ОТТО-ВОСК. Полученное высшее экономическое образование, наличие у РСВА квот на экспорт цветных металлов, нефтепродуктов и льготы на экспортную пошлину позволили Русту заключить крупные внешнеэкономические контракты. Как только у него появились финансовые возможности, он решил реализовать давнюю, со времён кабульского госпиталя, мечту. Он купил новую, цвета морской волны ВАЗ-21065 и, подогнав к КПП-1 Центрального военного клинического госпиталя им. Н.Н. Бурденко, вручил от неё ключи многократно оперировавшему его в Кабуле хирургу подполковнику Александру Теплову.

Получив из роддома весть о рождении сына, Руст немедленно поделился ею с друзьями Костром и Сидором, пригласив их к себе на плов. В условленный час гости с подарками и гостинцами поднялись к квартире на верхнем этаже. Это был их первый визит к Русту после его переезда в центр. Уведомив звонком и галасом о своём прибытии, друзья вошли. В ответ из дальней комнаты раздалось:

— Парни, проходите! Три минуты, и я к вам присоединюсь!

В квартире явствовал аппетитный запах мясного брашна. Сидор и Костёр оставили пакеты с продуктами на кухне и прошли вглубь, откуда доносилось глубокое мерное дыхание, занимавшегося физическими упражнениями, человека. Заглянув назирком в комнату, они увидели, как на распорном между полом и потолком турнике Руст в тёмных трусах-боксерах, с отсутствовавшими по ровную линию голенями, бесперечь, чередуя, выполнял выходы силой и подъёмы переворотом. Каждый мускул на его сбитом теле был чётко выражен, точёная фигура и короткая стрижка отвечали армейскому габитусу.

— Я гляжу, наш друг абулией и астенией не страдает, — пошутил Сидор.

Завершив упражнения, Руст проворно спустился с турника и, сделав несколько шажков на коленях, вёртко запрыгнул на низкий стул. Он не смутился от взоров друзей и податно надел на культы голеней, стоявшие подле протезы:

— Парни! Вы пройдите в зал и садитесь за стол, а я пойду быстро ополоснусь.

Руст включил телевизор и отлучился в душ. Костёр и Сидор перешли в зал и сели за сервированный по праздничному случаю стол. Его украшали хрустальная ваза с фруктами, горка пышных тандырных лепёшек, посыпанных кунжутом, от которых исходил редкий аромат, менажница с изюмом и орехами и чайники с пиалами пахта. Руст появился спустя семь минут, одетый в новую белую рубашку и строгие чёрные брюки. Завязав за спиной фартук, он начал хлопотать на кухне: спорко наполнил чумечем¹ три расписные косушки клекотавшей в кастрюле шурпой, положил в каждую по паре мясистых бараньих рёбрышек и, посыпав душистым укропом, подал к столу. Руст знал толк в восточной кухне и, когда посещало вдохновение, охотно кашеварил. Вскоре дошёл и плов. Потомив внедолге, он снял нацело накрывавшую видальный чугунный казан большую тарелку и выпустил пар. Засим сноровными движениями капкюрем² наполнил риштанский ляган³ рассыпчатым янтарным рисом-девзира и жёлтой морковью-мшак, напитавшихся ароматом душистой зиры. В центр, отделив от косточек и мелко нарезав, сложил горку кусочков сочной мякоти молодого карачаевского ягнёнка, а край увенчал нарезанной спелой хурмой и багровыми зёрнами наливчатого граната.

¹ Чумеч — половник.

² Капкюрь - шумовка (половник-дуршлак).

³ Ляган — большое блюдо (тарелка) для коллективной еды в Средней Азии.

ИЛЬЯС ДАУДИ

— Да, ханская снедь! — отметил Костёр. — Я часто вспоминаю наше афганское бесхлебье и того огромного барана в Панджшерском ущелье, что свеживали переводчик Абдулло Кодиров и наш покойный Костян, — как до жути голодным из-за духовского налёта, нам не удалось его съесть.

Друзья улыбнулись и предались воспоминаниям.

— Ну вот, с нашего друга Костяна мы и начнём! — бравурно возгласил Руст и, накинув на плечи висевший на спинке стула строгий чёрный пиджак с орденской планкой из муаровых лент двух орденов «Красной Звезды» и медали «За Отвагу», продолжил: — Пусть это будет уже третий тост!

Руст уменьшил звук телевизора, и все трое торжественно встали. Сидор наполнил всклень бокал из принесённой им бутылки водки Smirnoff и, накрыв ломтиком лепёшки, поставил на край стола. Руст и Костёр, по разным причинам спиртное не потреблявшие, налили безалкогольное питьё по усмотрению. Руст выдержал короткую паузу и проникновенно произнёс:

— Вечная память павшим в боях! В их числе нашим друзьям — Стреле, Костяну, Монголу.

За столом повисла тягостная тишина. Её нарушил Сидор:

— Наша вечная память, кто завидует ей?! Наша вечная слава не весёлый резон! Сокруха. Много наших братьев скосил молох войны! — кручинно заметил он, начав проникновенно декламировать Александра Твардовского:

*Летом горького года, я убит! Для меня,
Ни известий, ни сводок после этого дня...
И во всём этом мире, до конца его дней, —
Ни петлички, ни лычки с гимнастёрки моей...
Наши очи померкли, пламень сердца погас.
На земле на поверке выкликают не нас.
Нам свои боевые не носить ордена,
Вам всё это живые, нам отрада одна...
Мы за Родину пали, но она спасена!*

После этих строк, Руст принёс из дальней комнаты гитару и, передав её Сидору, попросил:

— Спой песню Юрия Кирсанова «Над горами кружат вертолётты».

Сидор провёл большим пальцем по струнам и, настроив инструмент, начал петь:

*Над горами, цепляя вершины, кружат вертолётты,
Где-то эхом вдали прогремели последние взрывы,
Только изредка ночью взорвут тишину пулемётты,
Проверяя, а все ли мы живы.
Афганистан, Афганистан, Афганистан, Афганистан.*

*По афганским дорогам пришлось нам проехать немало,
Мы тряслись в БТРах, нам небо служило палаткой,
И надолго под звездами твердым законом нам стало:
Не искать на земле жизни сладкой.
Афганистан, Афганистан, Афганистан, Афганистан.*

*Здесь про страх и опасность мы будто с тобою забыли,
И в минуту отчаянья мы научились смеяться,
И с друзьями, которых на целую жизнь полюбили,
Мы привыкли надолго прощаться.
Афганистан, Афганистан, Афганистан, Афганистан.*

*Время медленно шло, только быстро усы отрастали,
Снились ночью нам дети, любимые жены нам снились,
Но когда, расставаясь, с друзьями прощаться мы стали,
Почему-то опять загрузили.
Афганистан, Афганистан, Афганистан, Афганистан.*

В момент, когда Сидор закончил петь песню, часы пробили 20.00, и на экране телевизора вещавшего со второго общероссийского канала ВГТРК, появилась ярко-синяя заставка с объ-

ИЛЬЯС ДАУДИ

явлением: «Обращение Президента РФ Б.Н. Ельцина к гражданам России». Через несколько секунд появился глава государства и поздоровался с гражданами.

— Это надо непременно послушать, — приневолено растолковал Руст и, не встретив возражений, сделал звук громче, устремив взор на экран.

— Уважаемые россияне! — начал Ельцин — Мной подписан Указ «О поэтапной конституционной реформе». В Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны...

Друзья озадаченно переглянулись.

— Съезд народных депутатов и Верховный Совет предпринимают систематические и всё более активные усилия узурпировать не только исполнительную, но и судебную функцию... Уже более года предпринимаются попытки найти компромисс с депутатским корпусом, с Верховным Советом. Россияне хорошо знают, сколько шагов навстречу делалось с моей стороны на последних съездах и между ними... Последние дни окончательно разрушили надежды на восстановление какого-либо конструктивного сотрудничества... Власть в российском Верховном совете захвачена группой лиц, которые превратили его в штаб непримиримой оппозиции...

Сидор слушал выступление президента в негодовании. Он отводил и возвращал взгляд к экрану, от увлечённо слушавшего Руста и не выдававшего эмоций Костра.

Ельцин тем временем продолжал выступление:

— Верховный Совет, как государственный институт, находится сейчас в состоянии политического разложения, он перестал считаться с Указами Президента, с его поправками к законопроектам, даже с конституционным правом вето... Единственным способом преодоления паралича государственной власти в Российской Федерации является её коренное обновление на основе принципов народовластия и конституционности. Действующая Конституция не позволяет этого сделать, поскольку, в ней не

предусмотрен выход из сложившейся ситуации. Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу; учитывая неудовлетворяющее парламентским стандартам качество работы Верховного Совета и Съезда народных депутатов РФ; принимая во внимание, что безопасность России, и её народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти...

В целях:

— сохранения единства и целостности Российской Федерации;

— вывода страны из экономического и политического кризиса...

После этих слов, Сидор пересел в кресло, поближе к телевизору, и стал внимательно вслушиваться в речь.

Глава государства сделал короткую паузу и продолжил:

— Постановляю:

Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации... Настоящий Указ вступает в силу с момента подписания — Президент РФ Б.Н. Ельцин.

— Во, как вывел! — воскликнул Сидор и резво вскочил с кресла. — «... Принимая во внимание, что безопасность России и её народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти... Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу». А как же Конституция?! Могу компетентно заявить, этим Указом её гарант нарушил два пункта № 6 и 11 — 121-й статьи Конституцию РФ, а пунктом № 8 той же статьи поставил себя вне Закона. Знал бы народ, тогда, в конце августа 1991 года, какую ошибку совершает, выходя на баррикады в поддержку Ельцина, против ГКЧП!

ИЛЬЯС ДАУДИ

— Сидор! Ты ж вроде не коммунист, — с ехидцей напомнил Костёр, — я понимаю, если б возмущался Руст, получивший свой партбилет в 19 лет в Афганистане. Там, как известно, кого попало в КПСС не принимали. Он в отличие от политиков-ренегатов с раздорных сторон в 1991 году свой партбилет не сжёг и не выбросил! Ну, а ты-то, Сидор! Когда успел идеологией марксизма-ленинизма преисполниться? Мы тебя знаем другим!

Сидор опустил реплику Костра, продолжив каять:

— Лукавый краснобай шестилетним правлением вырыл могилу могучему государству, а крамольный прозелит забил в его домовину последний гвоздь. Беловежское соглашение декабря 1991 года — это беспрецедентный гешефт республиканских секретарей компартии, устремлённых урвать свой ломоть от разорванной империи с благословения победно возликовавших американцев. Прискорбно, что никакое аутодафе не вернёт нам утраченной великой страны. Мне вот интересно, — пылко порицал Сидор, — отчего это вдруг в ближайшем прошлом первый секретарь Свердловского обкома партии, секретарь ЦК КПСС и первый секретарь Московского горкома КПСС внезапно и остервенело возненавидел всё коммунистическое?! Чем же это родная партия, наделившая властью, обеспечившая всеми благами, и зауряд с ней верные соратники, с кем он о бок до 60 лет боролся за высшие идеалы и строил светлое будущее, его обделили?!

Руст не пожелал дебатировать и искать оправдания, а Костёр, как человек системы, блюдший корректность, вотума своего не задекларировал. Однако все трое понимали: страна скатилась к глобальному потрясению. Руст выключил телевизор, и друзья под впечатлением вернулись к столу. Сидор неожиданно вспомнил о своём обещании позвонить студенческому товарищу по МГУ им. Ломоносова Игорю Малярову — основателю в 1989 году и первому секретарю Российского Союза Коммунистической молодёжи (РКСМ), ставшему к то-

му времени уже младшим научным сотрудником кафедры политэкономии МГУ. Он извинился перед друзьями и, взяв переносную трубку, устранился на кухню. Сидор и вправду был далёк от коммунистической идеологии, но не ломавший армейской службы Игорь Маляров относился к нему — ветерану-афганцу, кавалеру ордена «Красной Звезды» и двух медалей «За Отвагу», с пиететом. Ещё в университете Игорь всячески стремился привлечь Сидора к деятельности в РКСМ и оповещал обо всех политических событиях.

— Игорь, привет! Как ваш 1-й съезд РКСМ, намеченный на 27–28 сентября, в связи с телеобращением Ельцина уже перенесён на неопределённое время?! — полюбопытствовал Сидор. Но, не дождавшись ответа, продолжил расспрос: — Ты речь его слушал?! И каков будет ваш ответ Чемберлену?!

Разговор с Маляровым не занял много времени. Полученной информацией Сидор тотчас поделился с Рустом и Костром:

— Наши университетские с филфака, истфака, других факультетов — активисты РКСМ стягиваются к Дому Советов на митинг в поддержку Верховного Совета и Совета Народных депутатов. Указ № 1400 признан антиконституционным! Верховный Совет уже принял постановление о немедленном прекращении полномочий Президента и созыве на завтра 7-й экстренной сессии Верховного Совета с повесткой дня «о государственном перевороте». Этим же постановлением Верховный Совет созвал в ближайшие часы X-й Чрезвычайный внеочередной съезд народных депутатов с повесткой дня «о политическом положении в связи с совершённым государственным переворотом», который вестимо состоится в самые ближайшие дни! — С этими словами Сидор возбужденно вскочил с места и, упёршись ладонями в спинку стула, начал хронологично выводить: — Уверен, что Верховный Совет, получив копию Указа № 1400 ещё до телеобращения Ельцина, тотчас запросил экспертное заключение Конституционного суда о его

ИЛЬЯС ДАУДИ

законности. А Конституционный суд, в свою очередь, незамедлительно созовёт экстренное заседание и подготовит экспертное заключение, которым признает данный Указ не отвечающим ряду статей действующей Конституции России и служащим основанием для отрешения Президента от власти. Апропо, другой Указ Бориса Николаевича — от 1 сентября сего года «О временном отстранении от исполнения обязанностей вице-президента А.В. Руцкого», приостановленный Верховным Советом и направленный в Конституционный суд для экспертного заключения, также в ближайшие дни будет признан антиконституционным. А созванный чрезвычайный X-й Съезд народных депутатов, незамедлительно в числе первых своих решений выдвинет на должность президента генерала А.В. Руцкого и разом утвердит!

— Тоже мне авгур! — оценил прогностический пафос Сидора Костёр.

— А на данный момент, — пробавлял Сидор, — уже объявлено о принятии Верховным Советом постановления с обращением «К народам России, Содружеству Независимых государств, мировому сообществу, военнослужащим Российской армии, сотрудникам силовых министерств, ко всем гражданам России с призывом пресечь государственный переворот, организованный Б.Н. Ельциным и его окружением», а также о создании штаба обороны Дома Советов. На стихийный митинг у стен Дома Советов собралось уже более тысячи человек и началось возведение заграждений. Милиция стягивает вокруг манифестантов плотное кольцо. Мы можем сами в этом убедиться. — Сидор кивнул на балкон.

Друзья встали из-за стола и вслед за Рустом вышли на балкон. Дождь к тому времени уже прекратился, но к ночи резко похолодало. Сказанное Сидором подтвердилось. Было видно, как к Дому Советов, где проходил стихийный митинг, с разных сторон стекались ручейки народа с плакатами и флагами и подтягивались подразделения МВД. В этот момент из квартиры

послышался телефонный звонок. Руст зашёл вовнутрь и снял трубку. Звонил председатель Российского Союза ветеранов Афганистана (РСВА) Александр Котенёв:

— Рустам, здравствуй!

— Здравствуйте, Сан Саныч! — поприветствовал Руст.

— Ты следишь за новостями? — спросил Котенёв.

— Так точно, слежу! — уставно ответил Руст.

— В это непростое время мы обязаны поддержать Президента! — твёрдо толковал Котенёв. — Я написал текст заявления РСВА с решительной поддержкой политики Бориса Николаевича и резким осуждением деструктивных действий А. Руцкого и Р. Хасбулатова. Я уже отправил его по циркуляру в Администрацию Президента, Правительство, Минобороны, Верховный Совет и Совет народных депутатов!

— Понимаю, Сан Саныч! — деликатно оценил Руст.

— Градус накаляется, наверняка потребуется наше участие. Ты оставайся в Москве и будь на связи! — командно призвал Котенёв.

— Буду в Москве, планов к отъезду нет! — взял к исполнению Руст и под занавес разговора корректно спросил: — Сан Саныч! У меня вопрос.

— Спрашивай, — сказал Котенёв.

— Вы уверены, что в возникшем конституционном кризисе афганцам следует принять чью-либо сторону и оказаться на острие? Насколько мне известно, — сведуще довел Руст, — на стороне Верховного Совета и Совета народных депутатов также много афганцев.

— Я в курсе, — подтвердил Котенёв, — но сегодня каждый должен выбрать, с кем он! Борис Николаевич много сделал для афганцев, подписал Указ о социальной и медицинской реабилитации. Предательство постыдно и недопустимо!

— Я вас понял! — согласился с ним Руст.

— Молодец, что понял! До связи! — попрощался Котенёв и повесил трубку.

ИЛЬЯС ДАУДИ

Руст снова вышел на балкон, но о разговоре с председателем РСВА друзьям не рассказал. Постояв, вобизор глядя на сутолоку у стен Белого дома, и, иззябнув, он предложил друзьям вернуться за стол.

— Да, зреет нешуточный переполох, — предрёк озадаченный Костёр, — нас уже перевели на усиленный режим.

— Руст, — с досадой домекнул Сидор, — РСВА конечно же встанет на сторону Ельцина? Ведь ваш председатель Котенёв близок к верховной власти. Хотя ею, уместно заметить, по Конституции России является Съезд народных депутатов!

— И хорошо, что близок! — взъярился Руст. — Ветеранской организации нужна поддержка власти! Без её участия невозможно оказание насущной помощи тысячам искалеченных войной и потерявшим на ней своих близких.

— Но ведь это называется скрытым подкупом, — расценил Сидор.

— Как бы ты это не называл, — эмоционально парировал Руст, — инвалидам, нуждающимся в протезах и примитивном автотранспорте для передвижения, вдовам, оставшимся без мужского плеча, кому нужно поднять малолетних детей, выучить их, не интересны наши политические убеждения! Они пожертвовали самым дорогим — здоровьем и жизнями своих близких! Им нужна реальная помощь! — убеждал Руст. — Хотя, на мой взгляд, ветеранским организациям следовало бы держаться от политики подальше и существовать по принципу Ахимса.

— Могли ли мы, воины-интернационалисты, — повысил эмоциональный накал Сидор, — воюя плечом к плечу в Панджшере, Кунаре, Герате, Файзабаде, предположить, что спустя уже пять лет будем иметь несходные политические убеждения, которые разведут нас по разные стороны баррикад?! На что рассчитывал президент, назначив вторым лицом государства героя-афганца — генерала авиаштурмовика?! Хотел держать подле себя грума или бибабо?! Бередит его и камарильи созна-

ние другой наш ретивый афганец — народный депутат, оспаривающий в Конституционном суде правомерность ратификации Верховным Советом Беловежского соглашения 1991 года, разрушившего СССР. И следует заметить, его притязания имеют высокие шансы.

— Послушай, Сидор! — закипел Руст. — Я боевых заслуг наших звёздных афганцев не умаляю! Там была одна жизнь, здесь другая! Однако мне не терпится узнать: какое сатори вдруг посетило наших мегаломанов и доморощенных апологетов заморской демократии из числа вчерашней партийной коммунистической номенклатуры засевших в Верховном Совете и Совете народных депутатов, среди которых, замечу, есть и афганцы?! Не они ли два года тому назад, в августе 1991 года, сбившись в яростный кагал, с остервенелым остракизмом вынесли верховного главнокомандующего, президента Советского Союза Горбачёва?! Неужели не понимали тогда, что гробят великую державу?! Какую цель они преследовали?! На что рассчитывали?! А я тебе отвечу: о сладких местах они думали! Я лично так мыслю: если избранный народом национальный лидер взял тебя в свою команду и назначил вторым лицом государства, так будь ты приличным человеком, умерь свое альтер-эго и выполняй его указания! А не согласен с его политикой — так уходи! А изрекать на всю Вселенную: я честный, а мой начальник негодяй, и оттого я собрал на него чемодан компромата... знаешь, по мне, так это — не комильфо! Какой бы героический человек этот не был!

— Надо прекратить этот безглаздый разлад! — зычно вмешался Костёр. — Ваши эмоции уже зашкаливают! У каждого свои убеждения, и мы ими не торгуем! Предлагаю вспомнить, для чего мы здесь собрались. Мы пришли, чтобы поздравить нашего друга с рождением второго наследника! И лучшим нашим пожеланием будет вырастить отцу стержневую личность, достойного сына и защитника нашего Отечества! — с патетикой резюмировал Костёр.

ИЛЬЯС ДАУДИ

Друзья посидели ещё немного и с холодком в отношениях разошлись.

Тем временем растущий кризис власти погружал Москву в состояние тревожного ожидания. Пророчества Сидора оказались верными. Состоявшееся поздним вечером 21 сентября 1993 года экстренное заседание Конституционного суда признало Указ № 1400 и телеобращение президента по государственным каналам не соответствующими ряду статей действующей Конституции России и являющимися основанием для импичмента. Что было оглашено председателем Конституционного суда на открывшейся в полночь с 21 на 22 сентября 7-й экстренной сессии Верховного Совета РФ. Её решением были прекращены полномочия президента Б.Н. Ельцина и переданы вице-президенту А.В. Руцкому, отменившему Указ № 1400 как антиконституционный. Одновременно с этим, Верховный Совет отдельными своими постановлениями, освободил от должности трёх министров — безопасности, обороны и внутренних дел, назначив вместо них новых. Выбранное Верховным Советом новое руководство Министерства обороны разослало в воинские части, соединения и военные ВУЗы телеграммы с требованием срочно прибыть к Дому Советов. В свою очередь, от Минобороны и Генштаба РФ исходил приказ подчиняться неизменно действующим руководителям.

Утро 22 сентября было облачным. Сидора разбудил телефонный звонок Игоря Малярова, тот сообщил время и место сбора эркаэсэмовцев у Дома Советов. Сидор ещё вечером твёрдо решил, что не останется в стороне от судьбоносных событий, и подтвердил свое присутствие. Он сожалел о размолвке с Рустом и, желая примириться, пытался до него дозвониться. Но, не сумев с ним связаться, Сидор набрал номер Костра. Его телефон также не отвечал, и Сидор оставил голосовое сообщение на автоответчике. В нём он просил передать Русту свои сожаления касательно эмоционального накала дискуссии

и поведал о решении встать на защиту Дома Советов. Приехав к месту сбора, Сидор увидел, что число митинговавших к утру резко возросло. Манифестанты выкрикивали политические лозунги, размахивали красными и чёрно-жёлто-белыми флагами. У Дома Советов активисты РКСМ разбили палатку, в которой был образован штаб обороны. По приказу его руководства началась запись в добровольческий полк. В числе первых в его состав был зачислен и Сидор.

23 сентября стояла ненастная погода и сыпала морось, в 22.00 в Доме Советов, вопреки подписанному Указу № 1400, открылся X-й Внеочередной чрезвычайный съезд народных депутатов, который утвердил новые кадровые назначения глав силовых ведомств. Безостановочный митинг у стен Дома Советов сопровождался прямой трансляцией заседания X-го съезда, а число граждан, пришедших выразить солидарность Верховному Совету и народным депутатам, увеличивалось. В этот день в разных частях Москвы между манифестантами и подразделениями МВД периодически вспыхивали вооружённые столкновения. Штаб обороны Дома Советов, ожидавший скорое начало штурма, распорядился раздать добровольческому полку около 100 единиц автоматов Калашникова АКСУ-74 из арсенала бывшего департамента охраны. На прилегавшей к Дому Советов территории, по периметру и внутри здания — на этажах, лестничных маршах и переходах установили посты и организовали круглосуточную караульную службу. Все подступы к зданию заблокировали бетонными плитами и баррикадами. Сидора, как ветерана, прошедшего через горячую точку, назначили командиром отряда численностью в сто человек.

24 сентября в Доме Советов отключили подачу воды, тепла и электроэнергии. Это усугубилось тем, что в ночь на 25 сентября резко похолодало, температура опустилась до нуля градусов, а утром пошел дождь со снегом. К тому времени Дом Советов уже оцепили кордонами подразделений МВД. Несмотря на

ИЛЬЯС ДАУДИ

обострение обстановки, противоборствующие стороны: Администрация президента и правительство — с одной и Верховный Совет с Советом народных депутатов — с другой, при посредничестве Патриарха Всея Руси и председателя Конституционного суда, искали возможные пути выхода из кризиса. Однако достичь компромисса всё же не удавалось.

26 сентября сохранялось холодная температура. Мощный дизельный генератор, вырабатывавший электроэнергию для Дома Советов, прекратил работу из-за отсутствия соляры. По этой же причине остановилась подача воды. И как завершающий аккорд, температура в ночь на 27 сентября опустилась ниже минусовой отметки.

28 сентября зарядили холодные дожди, временами со снегом. Обстановка в городе ещё больше обострилась. Между манифестантами и подразделениями МВД в Центральном административном округе: на участке между Садовым и Бульварным кольцами; на станциях метро Краснопресненская, Баррикадная, площадь Восстания, Новый Арбат; на улицах — Дружинниковская, Садово-Кудринская и других местах — шли столкновения.

29 сентября погода ухудшилась, дул порывистый северный ветер, падал мокрый снег. Правительство предъявило ультиматум находившимся в Доме Советов сторонникам Верховного Совета и народных депутатов: до 4 октября сдать оружие, боеприпасы и покинуть здание. Личная безопасность им гарантировалась.

1 октября, чернотоп — 7°C. Вечером к оцеплению у Дома Советов стянулось более десяти единиц бронетехники МВД. Новыми местами противостояния сторонников Верховного Совета и подразделений МВД стали Смоленская и Октябрьская площади. Многолюдный митинг у памятника Ленину в центре Калужской площади превратился в массовое шествие, которое, словно лавина, двигалось по Садовому кольцу через Крымский мост и Зубовскую площадь к Новому Арба-

ту. Оно сметало на своём пути заграждения, технику и подразделения МВД. Вскоре митингующие подошли к оцеплению у Дома Советов. Идущие позади стали напирать на тех, кто был в первых рядах. Оцепление подразделений МВД оказалось не в состоянии остановить напиравшую человеческую массу, оттеснившую его вглубь Конюшковской улицы между Домом Советов и зданием Мэрии до гостиницы «Мир». Изнеवेशь, слышались треск автоматных очередей и разрывы гранат со слезоточивым газом. Возникла паника. В штабе обороны предположили, что стрельба велась из расположенной напротив Дома Советов Мэрии. Из окон её верхних этажей вся прилегающая территория легко простреливалась. Посему руководство штаба обороны решило захватить этот стратегический объект. Выполнение задачи возложили на группу под командованием Сидора. Во избежание гибели вверенных ему людей и военнослужащих МВД Сидор провёл рекогносцировку и отобрал группу наиболее опытных, прошедших горячие точки молодых людей. Он поделил её на три подгруппы и поставил всем персональную задачу.

Согласно его плану 1-я и 2-я мобильные группы — каждая по десять человек — с исходных позиций должны совершить внезапный налёт на стоявшие перед зданием Мэрии три бронетранспортёра БТР-80 и два ЗИЛа-131. В развитии ситуации — безостановочной стрельбой над головами сидевших поверх брони и внутри кузовов военнослужащих МВД, мобильные группы Сидора втиснули их в центральный вход Мэрии, дав возможность рассеяться внутри здания. А сам он с 3-й группой вошёл следом и, поднявшись практически на самый верх здания, блокировал подходы к окнам высотных этажей, дабы они не использовались для огневых точек при поражении защитников Дома Советов. После установления контроля над Мэрией Сидор оставил там необходимое количество своих людей, а сам с группой вернулся в Дом Советов. Так он выполнил приказ, избежав кровопролития. Тем временем напиравший на

ИЛЬЯС ДАУДИ

милицейское оцепление поток манифестантов покинула группа излиха ретивых граждан, которая поднялась на площадку перед Мэрией и, забравшись на оставленные там БТР-80 и ЗИЛ-131, решила ввести их в действие.

Между тем группе Сидора штабом обороны была поставлена новая задача — выдвинуться к гостинице «Мир» и захватить её. Она также была выполнена без жертв. Утром того же 3 октября, погрузившись в автобусы, спецподразделение «Альфа», в котором служил старший лейтенант Иван Костёр, прибыло к Дому Советов. Из-за сложной обстановки Костёр в последние дни бывал дома лишь наездами. Однако, прослушав сообщение на автоответчике, он понял, что Сидор находится в стане защитников Дома Советов.

В это время по Садовому кольцу к Дому Советов следовало 40 грузовиков и автобусов с военнослужащими МВД, в небе барражировали вертолёты. Напряженность возрастала. Полагая, что защитникам Дома Советов придётся туго, Костёр беспокоился за Сидора. Он искал любую возможность для проникновения в Дом Советов, чтобы найти и вывести его оттуда. На удачу, к переговорам сторон привлекли офицеров «Альфы», получивших возможность проходить внутрь здания с выделенных подъездов.

Наступил полдень 3 октября. Вместе с другими заместителями председателя Российского союза ветеранов Афганистана и руководителями региональных организаций по созыву председателя Александра Котенёва Руст прибыл в центральный офис РСВА — особняк, входивший в комплекс зданий ГлавУпДК¹ в Царицыно. Там, следя за развитием событий и ожидая команды выдвинуться к Дому Советов, он провёл весь день. Всё это время, выстроившись в цепь вдоль огороженной территории, ждали указаний арендованные по случаю автобусы ЛАЗ-695.

---

¹ ГлавУпДК — Главное управление по обслуживанию дипломатического корпуса при МИД РФ.

В 21.00 председатель РСВА Александр Котенёв поручил руководителям организаций обеспечить обязательное прибытие всех членов к зданию Министерства обороны РФ на улице Знаменка, 14/1, у станции метро Новый Арбат. В промежутке между 22.00 и 23.00 в Москву вошла бронетехника Таманской, Кантемировской и Тульской дивизий. Тогда же Дом Советов покинули последние иностранные журналисты. Тем временем по Ленинскому проспекту через Садовое кольцо в направлении к Дому Советов стягивались коробки из 30 БТР и 40 грузовиков с личным составом отдельной мотострелковой бригады — бывшей Особой дивизии КГБ СССР. В 22.30 к зданию Минобороны в ЛАЗ-695 прибыл и Руст. Внутренний двор военного ведомства к тому времени уже заполнили молодые люди в гражданской одежде. Вскоре из парадной вышел председатель РСВА Александр Котенёв и громко скомандовал:

— Товарищи афганцы! Слушай мою команду: в две шеренги становись!

Ветераны проворно построились.

— Равняйся, смирно! — довершил он команды.

В эту минуту к нему подошёл министр обороны РФ Павел Грачёв. Он был спокоен и держался уверенно. Увидев перед собой афганцев и узнав некоторых из них, он заметно приободрился.

— Вольно! — приказал министр обороны.

Котенёв продублировал команду. После этого Грачёв произнёс напутственную речь:

— Товарищи афганцы, боевые друзья! Страна сейчас переживает тяжёлые времена. Верховный Совет и Съезд народных депутатов открыто игнорируют власть Президента! Руководствуясь личными мелкособственническими интересами, они блокируют здравые законодательные инициативы и назревшие экономические реформы. Они призывают российское общество к неповиновению и открытому противостоянию с верховной властью, ввергая в гражданскую войну. Я убеждён, что

ИЛЬЯС ДАУДИ

в этот ответственный момент на кого действительно может положиться страна и наш президент — это вы! Спасибо вам, что откликнулись на зов и пришли, не обманув надежд президента. Ваша задача состоит в недопущении гибели гражданских лиц — выводе их из Дома Советов и отводе от мест огневого соприкосновения. От имени Верховного главнокомандующего Бориса Николаевича Ельцина благодарю вас за личное мужество и гражданскую позицию!

В этот момент к министру подошёл его заместитель, генерал-полковник Георгий Кондратьев, и доложил, что к зданию Минобороны на Новом Арбате подошли коробки бронетехники Таманской дивизии. Объяснив задачу, Котенёв отдал афганцам команду грузиться на броню БТР и проследовать к Дому Советов. Когда они направились в сторону поджидавших на проспекте БТРов, Котенёв окликнул шедшего замыкающим Руста и, подойдя близко, под сурдинку призвал:

— Не подставляйтесь там! Береги людей!

— Обязательно, Сан Саныч! — с улыбкой пообещал Руст и поспешил догонять товарищей.

Наскоро преодолевшие путь от станции метро Новый Арбат до Дома Советов, и спешно промчавшие вдоль его фасада до стыка Краснопресненской набережной и Глубокого переулка, бронетранспортёры с афганцами подверглись обстрелу и были забросаны бутылками с зажигательной смесью. Спрыгнув с объётой пламенем брони, Руст с товарищами укрылся за широкими стволами вековых клёнов на пересечении Глубокого переулка и Краснопресненской набережной — по левому флангу от фасада Дома Советов. Спустя годы по возвращении из Афганистана ветераны вновь окунулись в боевую среду. В этой обстановке их обескураживала собственная безоружность, да так, что было уже не до политических предпочтений. Вернуться живым «из-за речки» и сгинуть на улицах Москвы не весело. Тем временем, по параллельной Краснопресненской набережной Рочдельческой улице мимо баррикад с конца Глубокого

переулка на высокой скорости неслись четыре БТР-80 дивизии им. Дзержинского. Они попали под обстрел защитников Дома Советов и ответили огнём из башенных пулемётов. Резво повернув на Глубокий переулок, БТРы «дзержинцев» направились вниз по уклону до пересечения с Краснопресненской набережной — к месту, где стояли БТРы Таманской дивизии. Увидев укрывавшихся за деревьями людей, они приняли их за сторонников Дома Советов и открыли по ним шквальный огонь. Стрельба шла отовсюду, нашлась работа и для снайперов, залёгших на чердаках и крышах ближайших к Дому Советов домов. Пуля, вошедшая сверху в грудь Руста, вылетела из бедра. Колени подкосились, и он упал. Верный товарищ — Равиль Нигметзянов из Московского союза ветеранов Афганистана оттащил Руста за дерево и стал осматривать.

— Что у меня?! — насили выговорил Руст.

— Вижу, ногу прострелили! — ответил Равиль, увидев источавшее кровь выходное отверстие на бедре.

— Нет! В районе живота! — толковал Руст.

Равиль расстегнул кожаную парку, приподнял свитер, рубашку и увидел входное отверстие в области живота. Аптечки с собой у него не было. Афганцы быстро дотащили Руста до ближайшего военного Урала-4320 и погрузили в кузов. То, что Равиль оказался рядом, было большим везением. Он был профессиональным медиком и сумел оценить критичность полученного Рустом ранения. Стремясь как можно скорее доставить его на операционный стол, Равиль запрыгнул в кабину к водителю-солдату и прогорланил: «Гони!»

— Как зовут?! — спросил он зычно, когда Урал-4320 уже набрал ход.

— Малхаз! — ответил водитель.

— Малхаз, летим на всех парах! — потребовал Равиль.

Они оставили за спиной милицейские кордоны и свернули с Нового Арбата на внутреннюю сторону Садового кольца в направлении НИИ «Скорой помощи» им. Склифосовского, извест-

ИЛЬЯС ДАУДИ

ного в народе как Склиф. Равиль был стержневой личностью. Сбойливый, высокого роста шатен с голубыми глазами, он был намного старше Руста и других членов городской организации, но никогда этим себя не выделял. В молохе афганского размирья он потерял родного младшего брата Рината — молодого лейтенанта, едва начавшего службу в войсках после окончания Казанского высшего танкового командного училища. В то время Равиль только защитил кандидатскую диссертацию и был в татарской обкомовской больнице самым молодым заведующим отделением — реабилитационным. Годом ранее он женился на дочери Народной артистки Татарской АССР певицы Альфии Афзаловой — Зульфие. Однако трагическая судьба младшего брата не давала благополучному и перспективному специалисту покоя. Он всячески искал возможность направиться в Афганистан. Однажды в разговоре со своим другом, служившим в ту пору в Ленинградской военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, Равиль узнал, что 650-й военный клинический госпиталь 40-й армии¹ в Кабуле ищет специалиста по восстановительному лечению. Он, не мешкая, направился в Татарский республиканский военный комиссариат и оформил документы для командировки в Афганистан.

До самого дня отправки он скрывал от недоумевавших родных причину, почему оставляет завидное служебное место и летит в командировку в какую-то там Монголию, на самом деле оказавшуюся Афганистаном. Прибыв в пункт назначения, в кратчайший срок Равиль наладил работу Службы реабилитации кабульского госпиталя, регулярно выезжал в местные командировки в Кундуз, Джелалабад, Гардез, Кандагар, Шинданд и другие отдалённые регионы. За образцовую службу командование госпиталя его отметило орденом «Знак Почета».

---

¹ 40-я армия — объединение (общевойсковое формирование) в составе Вооружённых сил СССР. Представляла состав Ограниченного контингента советских войск в Республике Афганистане в 1979–1989 годы.

Время в пути пролетело быстро. Когда вдали завиделись Склиф и стоявшая подле его парадной военная техника с людьми в форме, Равиль сообразил: нет, ребята! Времени на объяснение сторонности в конфликте и обстоятельства ранения у нас нет!

— Сворачивай налево! — приказал он Малхазу. — Уйдём на проспект Мира и заедем с тыльной стороны. Я покажу путь.

Малхаз резким движением руля вогнал Урал-4320 на проспект Мира и, свернув через 300 метров направо в Грохольский переулок, объездными путями заехал на задний двор госпиталя. Там в это время из нескольких карет «Скорой помощи» медики перекладывали на каталки множество раненых у Дома Советов. Равиль и Малхаз выскочили из кабины и, забравшись в кузов, стали вытаскивать истекавшего кровью Руста. Увидев это, курившие у входа в приёмное отделение люди в белых халатах мгновенно подкатали каталку и, погрузив на неё Руста, срочно повезли в операционную. Равиль сел в кабину Урал-4320 только тогда, когда Руст уже был в руках оперирующего хирурга. Затем он и Малхаз поспешили обратно к Дому Советов. Интенсивность движения на Садовом кольце в тот момент была слабой, и они быстро добрались до Нового Арбата. Проезжая сквозь милицейское оцепление на пересечении с Конюшковской улицей, Равиль увидел в пространстве между припаркованными автобусами, сбившихся в круг, ладно экипированных спецназовцев и узнал среди них Костра.

— Высади меня здесь! — попросил он Малхаза и, поблагодарив за помощь крепким рукопожатием и сотенной купюрой долларов, спрыгнул с подножки автомобиля, клацнув на ходу закрывшейся дверью.

Этот шум заставил Костра обернуться.

— О, Равиль! Ты чего здесь делаешь?! — изумился он.

— Да вот, говорят, без берсерков из РСВА никак не обойдутся! — с тугой ответил Равиль.

— А ты чего такой мрачный? — почувал неладное Костёр. — Руст тоже здесь?!

ИЛЬЯС ДАУДИ

— А с Рустом беда, — сумно сообщил Равиль, — он в Склифе!

— Что случилось? — потрясся Костёр.

— Подстрелили его! Два часа назад в Глубоком переулке, — поведал Равиль.

— И каково сейчас его состояние? — продолжал расспрос Костёр.

— Критическое! — ошеломил Равиль.

Костра бросило в жар. Он подробно расспросил об обстоятельствах ранения и разом вспомнил о Сидоре. Мысль, что с ним произойдёт нечто подобное, если ещё не хуже, стала навязчивой. Сидор и Костёр имели полярные темпераменты и разную среду взращения. У одного было трудное детство, он вырос без родительской ласки в ростовском интернате. Второго взлелеяли в любви и заботе в семье московской научной интеллигенции. Но, несмотря на это, они стали духовно близки. Их связывала какая-то невидимая нить. К тому ж Костёр благодарно помнил о заветной фляжке воды, жертвованной Сидором в горах Кишима. Это был поступок.

— В Склифе, говоришь?! — вернулся из мыслей о Сидоре Костёр. — Предлагаю в ближайшие дни непременно навестить его. Поедем вместе?!

— Поддерживаю! — согласился Равиль, пожелав мысленно: нужно, чтобы он ещё выжил!

Внезапно послышалась команда старшего «Альфы» грузиться на БМД-2 тульских десантников, и Костёр, наскоро попрощавшись с Равилем убыл на задачу. Начинало светать.

Руста вскоре прооперировали и перевели в реанимацию. Пуля калибра 7.62, вошедшая в тело сверху, повредила лёгкое и другие важные органы. В ходе сложной хирургической операции Руст лишился большей части тонкого кишечника, селезёнки, одной почки и впал в кому. Вероятность, что он останется жив, была ничтожной.

Тем временем события у Дома Советов перешли в драматическую фазу. В 6.30 10 танков Кантемировской дивизии

выстроились на Новоарбатском мосту. Прикрывшиеся щитами подразделения МВД начали оцепление Дома Советов. В 06.50 к зданию и прилегавшей территории вышли верные президенту Ельцину части Таманской, Кантемировской, Внутренних войск им. Дзержинского дивизий, 119-го парашютно-десантного полка Тульской дивизии ВДВ и сотрудники Смоленского ОМОН.

Обойдя Дом Советов с тыла и проникнув через разбитые окна внутрь, Костёр с двумя товарищами поднялся на третий этаж, где столкнулся с группой вооружённых людей, в числе которых был и Сидор:

— Бача! — прогорланил он.

Сидор обернулся и, что-то сказав товарищам, подошёл.

— Здорово! — ровно поприветствовал Сидор. — И вас привлекли?

— Как видишь! — ответил Костёр. — Сидор, ваше положение патовое! Кадухис! Танки заняли исходное положение. Будут бить прямой наводкой со всех стволов. Предлагаю тебе, пока не поздно, выйти со мной за оцепление. Я представлю тебя своим агентом.

— Благодарствуй, Костёр! Но я не двинусь! Я здесь с 22 сентября, мы с парнягами из Приднестровья спознались и стали уже побратимами. Ну, как я им объясню свой уход?! Стреножен я! Ты давай иди, а там, как Бог положит, — отклонил призыв Сидор.

— Не будь безрассудным, безысход! — увещевал Костёр. — когда запахнет жареным, ваши дуче побегут сдаваться наперергонки! Помяни мои слова: у них не хватает мужества застрелиться! А вас, рядовых поборников, перебьют, как куропаток. С мёртвых спроса не будет, а пленных и раненых вряд ли пощадят!

Но Сидор был непреклонен.

Поняв бессмысленность уговоров, Костёр с тяжёлым сердцем оставил здание. Вскоре по верхним этажам начали прицельно бить танки Т-80. На верхних этажах вспыхнул пожар.

ИЛЬЯС ДАУДИ

К орудийным залпам присоединились пушки бронемашин БМП-2 и БМД-2 и стучавшие очередями зенитных установок КПВТ¹ бронетранспортёры БТР-80. Одновременно с этим с разных сторон короткими перебежками к Дому Советов двинулись армейские мобильные группы, вошедшие в плотное огневое соприкосновение с его защитниками.

Жертвы с обеих сторон исчислялись уже сотнями и продолжали расти. В определённый момент по достигнутой между противоборствующими сторонами договорённости для выхода из Дома Советов политиков, женщин и детей огонь был временно прекращён. Но вскоре он вспыхнул с новой силой. Сторонники Верховного Совета, удерживавшие здание Мэрии, прикладывали все усилия, чтобы прорваться на помощь Дому Советов, но всё безуспешно.

В 14.00 огонь стих. С тыльной стороны здания защитники начали выносить раненых и убитых. Пользуясь моментом, Костёр повторно проник в здание. Он взмыл по лестнице вверх, поднимаясь с этажа на этаж, и, пробегая по длинным коридорам мимо кабинетов, вглядывался в застывшие в разных позах, обгоревшие и бездыханные тела, но Сидора среди них не находил. И вот, взойдя на очередной этаж, почти отчаявшийся Костёр увидел сквозь марево задымлённого коридора силуэт человека. Он сидел, прислонившись спиной к стене, опустив голову. На его раскинутых, изрешечённых осколками, окровавленных бёдрах лежал АКС-74. Это был Сидор. Услышав шаги, он старался сфокусировать взгляд и нацелить на приближавшегося оружие, но сил на это не было.

— Отставить! Свои! — проронил подсевший сбочь Костёр и, защёлкнув предохранитель, убрал АКС-74 Сидора в сторону. — Ну что, паладин, сбылись мои пророчества?!

---

¹ КПВТ — крупнокалиберный пулемёт Владимирова. Танковый, модифицированный вариант одноимённого пехотного пулемёта для вооружения бронетехники.

Но Сидор это не слышал. Костёр посидел внедолге обок, унесённый потоком мыслей в светлое прошлое — в Афганистан, когда в дружеской шестёрке были ещё живы Стрела, Костян, Монгол, — но тут же опомнился:

— Надо уходить! А то не ровен час пристрелят — либо свои, либо чужие!

Костёр взвалил на плечо истекавшего кровью Сидора и стал спешно спускаться по лестнице. Когда он вышел из здания, к нему бойко подкатила карета «Скорой помощи», и споро подхватившие Сидора медики положили его на носилки. Костёр подошёл к их старшему и, показав удостоверение офицера «Альфы», попросил поскорее доставить раненого в стационар. А сам вернулся к автобусам своего подразделения. Спустя короткое время Костёр и его товарищи, сидя на броне БМД-2, возвращались с задания, следуя по Дружинниковской улице в направлении Дома Советов. На ставшем в дни противостояния опасным участке дороги они услышали стрельбу и увидели спрятавшуюся за телефонной будкой женщину с маленьким ребёнком. Под прикрытием брони спецназ вывел их с обстреливаемой зоны и эвакуировал в безопасное место. Затем их БМД-2 возобновила ход. Проехав небольшое расстояние, они увидели лежавшего вскрай проезжей части раненого солдата. Костёр на ходу прыгнул с брони и, схватив за руку, стал тащить его к броне. В этот момент с крыши одной из ближайших высоток по нему выстрелил снайпер. Ранение оказалось смертельным. У Костра остались жена и маленькая дочь Маша.

В 17.00 4 октября 1993 года, благодаря участию в переговорном процессе офицеров спецназа «Альфа» и «Вымпел», защитники Дома Советов сдали оружие и, закинув за голову руки, покинули здание. Как и предрекал Костёр, их лидеры, воззавшие иностранных послов предоставить им гарантии личной безопасности, думали только о себе.

ИЛЬЯС ДАУДИ

ЗА ДЕВЯТЬ ЛЕТ ДО ЭТОГО. ПИСЬМА КОСТРА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ ИЗ УЧЕБКИ

ПОЕЗД «МОСКВА — ТЕРМЕЗ», 1 октября 1984 года

Здравствуй, Андрей!

Пишу тебе с поезда. С Московского городского пересыльного пункта на Угрешской улице нас привезли на Курский жд-вокзал. Не стал вам об этом сообщать, попросились ведь уже. Сюда, узнав о месте и времени отправки, довершить солдатские проводы приехала гурьба из родных и близких, друзей, любимых девушек и даже некоторых призывников — жёны. Гулянья были шумные, весёлые. Всё, что не выпили и не съели на проводах, притащили и украдкой распивали и закусывали на перроне. Молодёжь горланила песни под гитару, а по соседству, заглушая гомон, громко играл магнитофон. Согласно случаю звучала песня барда Александра Новикова «Вы уезжаете»:

*Вы уезжаете, слова уже все сказаны,
Что впереди, решили Вы давно.
Мы обменяемся двумя пустыми фразами,
Вы для приличия помашете в окно...*

Когда прошла команда «По вагонам», мы спешно заняли места в купе, и состав тихонько тронулся. Звук магнитофона уже заглушил ход ускоряющегося поезда, а я продолжил про себя петь куплеты этой замечательной песни:

*...Вы уезжаете под мерное стучание,
А я шагаю следом взять билет...
Мы с Вами встретимся, теперь уже случайно.
Туда, где Вы, билетов в кассе нет...*

Все новобранцы уже знают, что эшелон пойдёт на юг и перед Афганистаном у нас будет учебка в Средней Азии. Но между собой это не обсуждают. Путь нам предстоит долгий, оттого я и занял место, с возможностью уединиться от непрекращающегося гвалта на верхней полке. Оттуда, временами отвлекаясь на виды за окном, и пишу тебе, брат, своё письмо. В поезде я познакомился с приличными парнями — Константином Тевсом из Джамбула — Костяном, с Германом Стрельцовым из Ленинграда — Стрелой, Сергеем Сидоренко из Ростова — Сидором, Рустамом Тукаевым из Татарии — Рустом, Дарханом Бадмаевым из Улан-Уде — Монголом. Правда, знакомство наше случилось после потасовки меж собой из-за верхних мест. О! По вагонам пошёл военный патруль — офицер и трое солдат, — обыскивают сумки — ищут спиртное. Но благо это не по нашей части. Уже дошли до соседнего купе, прости брат, прошу писать позже.

P.S. Привет, Андрей! Вернулся к письму.

Уже проехали прилично, за время в пути с интересом наблюдали, как сбросившие листву деревья сменялись стройными южными тополями с густой зелёной листвой на ветках, устремлённых вверх. Остались позади пейзажи средней полосы и бескрайних просторов южнороссийской степи, и колёса поезда постучали по выжженной солнцем пустыне Кызылкум и Каракум Западного Казахстана и Туркмении. Вдоль железнодорожного полотна, сродни вросшим вглубь партизанским землянкам, примостились казахские жилища. Из их амбразур на несущийся поезд, не отрывая очей, глядел кагал смуглой детворы. На пути взору представляли множество кладбищ с монументальными некрополями и мазарами, барханы и двугорбые верблюды. Во время кратковременной остановки мы купили туркменские чуреки и кислое молоко. Было так вкусно, что не передать. Радушные они, эти каза-

ИЛЬЯС ДАУДИ

хи, туркмены, узбеки. Порой и денег с нас не брали, угощали бесплатно лепёшками, яйцами, молоком, простоквашей. А ещё в минуты стоянок на жд-станциях из поездов, следовавших в обратном направлении, в наши открытые окна пассажиры забрасывали консервы, колбасу, чай, сигареты и другие полезные в дороге вещи. Вот такой наш советский народ сердечный.

P.S. Андрей, привет! Продолжаю писать своё письмо.

Прошло ещё два дня, уже как четвёртые сутки в пути. Поезд, бывает, днём часами простаивает в пустыне, а ночью пролетает населённые пункты без остановок. Вероятно, чтобы не привлекать лишнего внимания гражданского населения. Некоторое время назад въехали в Южный Узбекистан и, проехав небольшое расстояние, остановились на тихом полустанке. Желая узнать его название, да и вообще сверить время с внешним миром, прильнули к открытым окнам. Дальнейшие наблюдения, хочу тебе заметить, произвели на меня глубокое впечатление. Нашему взгляду предстал пустынный перрон, на котором было тихо и безлюдно. Была погожая туркестанская ночь, по небу расстелился ковёр из звёзд. На столбе, подталкиваемый тёплым ветерком, поскрипывая, мерно качался фонарь с тускло светившей лампой, слабо освещая платформу компактного однопутного вокзала.

Через минуту из здания вышел дембель в парадной форме — сбойливый старший сержант. Загорелый, подтянутый, фуражка задвинута на затылок, китель с золотыми пуговицами знатно подогнан и добротнo выглажен. В петлицах танковые эмблемы, на груди сверкала медаль «За Отвагу». Не обращая внимания на остановившийся поезд и созерцавшие из окон лысые физиономии новобранцев, дембель встал, широко расставил ноги и, чиркнув спичкой прикурил сигарету. Вдохнув полной грудью дым, он вскинул голову вверх и, наслажда-

ясь красотой звёздного пейзажа, о чём-то задумался. Мы молча продолжали взирать за происходившим. Нежданно, ростовчанин Сидор, зычно, как только мог, чтобы дембель непременно услышал, крикнул:

— Служивый, ответь! Два — эти хреновы года, ведь быстро пролетят?!

Дембель, не опуская взгляда на Сидора, вновь затаился и, едва улыбнувшись, застыл. Казалось, он пролистывал в памяти события ратной службы. Выйдя из круговорота воспоминаний, дембель направил взор в наше окно и, горделиво с неочевидностью протяжно произнёс:

— Хрен его знает! Так, что «хрен его знает» брат, как быстро пролетят эти хреновы два года. У меня пока всё. Следующее письмо, надеюсь, напишу тебе уже из части. Обними Отца и поцелуй Маму. Твой брат-близнец Иван.

СУРХАНДАРЬИНСКАЯ ОБЛАСТЬ, УЗБЕКСКАЯ ССР,
октябрь 1984 года — учебка ТуркВО

Привет из Сурхандарьи!

Здравствуй, брат Андрей! Прошло уже три дня, как прибыли на самый юг Советского Союза, в приграничный с Афганистаном город Термез Сурхандарьинской области Узбекской ССР в учебную воинскую часть Туркестанского военного округа — ТуркВО. Здесь пройдём трёхмесячную подготовку перед отправкой в Афганистан. Младший сержант командир нашего отделения по приказу командира роты отвёл нам полчаса, чтобы написали домой письма и успокоили своих близких. По прибытии поздней ночью в Термез и построения на перроне жд-вокзала погрузились на КамАЗы и поехали куда-то в пустыню. Приблизительно в 3.15 утра стояли у штаба учебной воинской части, расположенной, как нам объяснили, в двух километрах от афганской границы. Нам также сообщили, что первый

ИЛЬЯС ДАУДИ

месяц нашей службы — курс молодого бойца КМБ и принятие военной присяги пройдут здесь на полигоне в пустыне Термезского района. Два крайних месяца будем проходить подготовку в Горном учебном центре ГУЦ в Шерабадском районе согласно своей военно-учётной специальности. Едва прибыли в часть и построились перед штабом, как к нам тут же стянулись старослужащие, пришедшие чем-то поживиться. Заметив на запястье Сидора электронные часы Citizen с семью мелодиями, двое дедов предприняли попытку их у него отнять. Но Сидор оказался не из робкого десятка. Он левым крюком уложил одного из них, а второму сделал подсечку Стрела. В это время мимо строя проходили трое военных в маскхалатах без знаков отличия. Они заметили потасовку, и их старший, пониже ростом, скомандовал двоим:

— С этих потом и начнём!

Они встали перед строем, и старший громогласно обратился:

— Спортсмены: мастера спорта; кандидаты в мастера спорта; разрядники — по боксу, самбо, борьбе, дзюдо, каратэ, а также... — он сделал короткую паузу, — те, кто по страшному недоразумению, как принято темнить, имел нестыковки с законом — шаг вперёд!

Ну, подумал я, пробил мой час — идёт отбор в какое-то специальное подразделение, и оказался прав. Первым делом, как наказал старший, они подошли к Сидору и Стреле.

— В разведроту служить хотите? — спросил старший.

— А ты кто?! — поинтересовался Сидор.

— Не ты, а вы! — поправил его старший. — Я командир 2-го взвода разведывательной роты лейтенант Крылов.

— А я обладатель коричневого пояса по каратэ! — горделиво поведал Сидор.

— Я кандидат в мастера спорта по дзюдо, — резво сообщил о себе ленинградец Стрела.

Лично я сомневаюсь в наличии у Сидора коричневого пояса, но рукопашным боем он действительно владеет неплохо. Дру-

гие парни: Руст оказался кандидатом в мастера спорта по боксу, Монгол — мастером спорта по классической борьбе, Костян — кандидатом в мастера по боксу, ну и я, как тебе известно, мастером спорта по самбо и дзюдо. Когда лейтенант Крылов закончил отбор, он обратился ко всем разом:

— Товарищи курсанты! Служба в разведроте тяжела, но почётна! Уверены, что хотите там служить?!

Все в один голос, чётко ответили:

— Так точно!

Так что, брат Андрей, мы вшестером: Сидор, Стрела, Руст, Монгол, Костян и я, Костёр, — попали служить в разведывательную роту учебного полка. После повторной переключки, в сопровождении двух разведчиков в маскхалатах, как выяснилось потом — сержантов, нас организованным строем повели в расположение разведывательной роты. При приближении к палаткам разведчиков, слышалась звучащая из магнитофона песня барда Александра Новикова «Город древний»:

*...Зря остроги и темницы,
Душу тешили царице,
Всё текло через границы,
За бесценюк, задарма...*

К нашему подходу, из каптёрки, стоявшей напротив палаток разведроты, откуда доносилась музыка, по-пластунски выполз солдат в выцветшем галифе, без верхней формы и обуви. С разных сторон, не давая привстать, его осыпали тумачами двое бойцов в маскхалатах:

— Ползи давай! Будешь знать, как к разведчикам лазить! Выпроваживая их, из каптёрки, навстречу нам вышел белокурый, красный, как варёный рак, с голым торсом, высокий, крепкого телосложения солдат. Он окинул нас взглядом и с важностью бросил:

ИЛЬЯС ДАУДИ

— Видали?! Вот как бывает с теми, кто покушается на имущество разведчиков. Я — старшина разведроты Толстопёров. Из Томска есть кто?!

Никто не откликнулся.

— Я из Красноярска! — сообщил кто-то.

Толстопёров не заинтересовался. Нас сразу распредели по трём взводам и развели по палаткам. Учебная часть, где мне выпало служить на данном этапе, представляет собой военный городок из зелёных брезентовых палаток. Чтобы ты мог себе представить: сквозной проход делит внутреннее пространство каждой такой палатки с залитым бетонным полом на две половины. Ширина его около двух метров. Это расстояние от изножий, выстроенных в два ряда двухъярусных кроватей с пустотелыми матрасами, выцветшими, прохудившимися до дыр, с асимметричными углами и торчащей бахромой одеялами, посеревшими от пыли простынями и бесформенными подушками. Когда по прибытии в роту зашли в палатку, было около 4.00 утра. Представившийся старшим сержантом заместитель командира нашего взвода Сергей Дмитриенко строго скомандовал:

— Всем отбой! Быстро разделись и легли на свободные койки!

Уже светало. Не успели мы сомкнуть очи после бессонной ночи, как вдруг послышался горлан зашедшего в палатку старшины Толстопёрова:

— Рота, подъём!

Мы недоумевали: «Как же так?! Ведь только ж легли!»

А старшина тем временем наращивал тембр:

— Рота, подъём! Выходи строиться!

«С корабля на бал», — подумал я про себя. Вот и началась моя служба. И вспомнился мне тот дембель на тихом жд-полустанке, ответивший Сидору: «Хрен его знает, как быстро пролетят эти два года».

Так младшие командиры, старшина и сержанты, приступили к нашей муштровке, приказав, ещё пять раз повторить команды:

— Рота, подъём! Выходи строиться! Рота отбой!

После многократных повторов команды стали выполняться существенно быстрее. Тебе, Андрей, наверно, смешно, а нам тут совсем не до веселья. За медлительность в выполнении этих команд по приказу старшины и сержантов в рамках солидарной ответственности всей ротой исполняется целый комплекс штрафных физических упражнений. Одним из них является отжимание на кулаках от плавящегося под знойным солнцем асфальта. На счёт «раз», упёршись кулаками в асфальт, с верхней позиции опускаем тело ровной линией предельно низко, но ни в коем случае не касаемся, на счёт «два» поднимаем и держим в такой же линии на вытянутых руках. Смена команд «раз» на «два» происходит с протяжёнными паузами. И это, скажу тебе, братец, здорово осложняет выполнение данного упражнения. Такие отжимания бывают подолгу — по часу, по два. Если кто-то из курсантов, не выдержав нагрузки, украдкой припадает к асфальту либо, прильнув накоротке, переводит дух и это заметил старшина или сержант, то он автоматически обрекает всю роту на дополнительное время. Это сразу вызывает недовольные возгласы и склоки. Вместе с тем могу, брат, похвастаться общими достижениями роты в выполнении команд «подъём» и «отбой». За время, пока горит зажжённая старшиной или сержантом спичка, мы всей ротой, как один, успеваем раздеться до трусов, аккуратно сложить форму на табуреты, уложить на сапоги портянки, лечь в кровать и укрыться простынею. За это же время успеваем всей ротой одеться, покинуть палатку и занять место в строю. Сейчас я с улыбкой вспоминаю, как мама не могла нас добудиться, дабы выпроводить на первую пару занятий в институт. Да, хорошее было время. Только в армии начинаешь ценить гражданку с её вольной жизнью, сном и домашней пищей. Жаль, брат, что уровень тво-

ИЛЬЯС ДАУДИ

его зрения не позволил нам пойти служить вместе. Вдвоём-то нам, несомненно, было бы легче. Но, учитывая, что нас через три месяца направят в Афган, это даже к лучшему. Да, вот ещё, успокой родителей. Чтобы не переживали, скажи, что меня, вероятнее всего, оставят в учебке сержантом. Ну, да ладно! Служить мне осталось уже не два года, а всего лишь год одиннадцать месяцев и три недели. На этом у меня пока всё. Как представится возможность, напишу. А то уже слышу команду сержанта закругляться с письмами. Обними отца и поцелуй маму. Твой брат-близнец Иван.

СУРХАНДАРЬИНСКАЯ ОБЛАСТЬ, УЗБЕКСКАЯ ССР,
октябрь 1984 года — учебка ТуркВО

Привет из Сурхандарьи!

Здравствуй, брат Андрей! В учебку мы прибыли в утеплённой форме и пилюльках. Всем ротам, за исключением нашей — разведывательной, уже неделю как вещевая служба части выдала новое обмундирование — х/б для жаркого климата. Громоздкие тяжёлые кирзовые сапоги заменили на короткие берцы, а пилюльки, на спасавшие своими полями от палящего солнца, панамы. На вопрос, когда же наконец и нам выдадут новое обмундирование, старшина ответил ясно: «Никогда! Разведрота всегда всё обмундирование добывает сама». Это был сигнал к действию. С наступлением ночи, выждав, когда дневальные других рот на посту прикорнут или временно куда-то отлучатся, в темноте тайком прокрадывались вовнутрь палаток, унося с собой новую форму, панамы и берцы. Днём же, применив силу, забираем обмундирование у курсантов других рот в столовой, в пункте разлива чая, у умывальников и даже у сидевших в ряду по большой нужде в бесперегородочном отхожем месте. Крадём также у бойцов, заснувших на полковых киносеансах под открытым небом. Тебе, наверно, смешно?

А куда деваться?! Не могу же я быть белой вороной. Приходится подстраиваться на ротный манер. Благодаря этим действиям уже через два дня на утреннем построении разведрота полностью стояла в новом обмундировании, тогда как в другие роты вернулась старая форма. Полевые занятия в нашей роте продолжительны и трудоёмки, а дисциплина строгая. Передвижения по расположению части осуществляем бегом или скорой ходьбой, без разброда и шатаний.

В расположении части есть три умывальника: у столовой, у чайханы и на окраине части, откуда мы выходим за пределы части на полевые занятия или совершаем марш-броски. Поскольку душевых в части нет, в умывальниках мы и моемся, и стираемся. С полевых занятий мы всегда возвращаемся бегущим строем с сильно разогретыми телами, залитые потом и пропитанной насквозь формой. Во рту сухо так, что язык кажется в нём лишним. К моменту нашего прибытия все умывальники по обыкновению бывают уже заняты, а моющиеся окружены плотным кольцом ожидающих своей очереди. Распуская строй роты, чтобы помыться, сержанты намеренно дают нам нереально короткое время. По его истечению рота в полном составе должна покинуть умывальники. Ограниченность кранов, тонкость струек воды, толпа не внушают оптимизма. А если не сможешь помыться днём, теряешь возможность освежиться до позднего вечера. Температура воды в кранах к тому времени сильно опускается. В таких случаях мы пускаем в ход отработанный силовой приём. Сцепившись за руки, Костян, Руст, Монгол, Сидор, Стрела и я с разбегу вклиниваемся в пространство между умывальниками и моющимися и, оттеснив, занимаем их места. Затем, сменяясь, становимся спиной к нашему моющемуся и отражаем контратаки оттеснённых. В заключение своего письма прошу тебя, брат Андрей, передать всем нашим ребятам из группы большой привет. Особенно девочкам: Марине, Свете и Виктории. На этом с тобой прощаюсь. Обними отца, поцелуй маму. Твой брат-близнец Иван.

ИЛЬЯС ДАУДИ

СУРХАНДАРЬИНСКАЯ ОБЛАСТЬ, УЗБЕКСКАЯ ССР,
октябрь 1984 года — учебка ТуркВО

Привет из Сурхандарьи!

Здравствуй, брат Андрей! У меня всё хорошо. Погода у нас стоит сухая, хотя и октябрь. Солнце светит ярко и даже слегка припекает. Днём температура $+25^{\circ}\text{C}$, а вот ночью уже прохладно $+10^{\circ}\text{C}$. Служба моя идёт своим чередом. В нашей разведротке служат парни из Красноярского края, Казахстана, Свердловской области, Хакасии, Украины, Ставрополя, Молдавии, Крыма, Москвы, Риги, Ленинграда. За десять дней я уже успел со многими из них подружиться. Признаюсь тебе, сильно скучаю по маминым котлетам, борщу, пирогам и запеканке. До сих пор помню вкус капустного пирога, что мама испекла на мои провода. В нашей солдатской столовой, точнее, ангаре из профилированных листов стали, раскаляющейся под полуденным зноем, с жуткой духотой внутри, на стол для десятерых курсантов ставится чугунный котелок. В нём первое и второе одновременно. Говоря по существу, клейстер из кислой капусты и полусгнившей картошки. Через день на ужин дают бульон с кусками отварного свиного сала, вызывающего тошноту. На завтрак всегда жидкая каша на воде, без масла. Хлеб чёрный, белого не бывает. Для многих из нас, кто не может это есть, было бы большим счастьем хотя бы пять минут, отведённые на принятие пищи, спокойно посидеть, дожидаясь, пока поедят другие. Но нет! Старшина Толстопёров и сержанты-замкомвзвода отрабатывают в столовой команду 3/15 — аббревиатура 3 взвода/15 секунд.

Суть её состоит в том, что во время приёма пищи нам даётся команда 3/15 и начинается набатный отчёт: 15, 14, 13, 12... до нуля. Услышав 3/15, мы тотчас должны прекратить приём пищи, за 15 секунд покинуть столовую и занять место в строю у входа. А теперь представь себе такую картину: сидим за столами 100 курсантов-разведчиков. Едва разложили еду по тарелкам и не

успели даже положить в рот одну ложку, как вдруг звучит команда 3/15. Все экстренно вскакивают с мест, перепрыгивают через столы и даже ступают поверх, смахивая на пол посуду и столовые приборы, и бегут к выходу, скапливаясь все в дверях. Нам нужно срочно протиснуться сквозь узкие двустворчатые двери и, покинув столовую, встать снаружи в строй. Задача затрудняется тем, что столы нашей разведроты, приходящей в столовую по обыкновению последней, находятся в глубине зала — в 50 метрах от выхода. В момент подачи команд 3/15 у дверей, словно в горловине бутылки, скапливается толпа завершивших приём пищи курсантов других рот. Старшина Толстопёров видит этот скоп и намеренно громогласно начинает ускорять отчёт: «7, 6, 5, 4, 3...» Взъярённые лишением возможности поесть, мы разбегаемся и вклиниваемся в толпу, усиливая весом давление на массивные двустворчатые двери. В итоге они выносятся вместе с косяком, словно пробка от бутылки шампанского. Видишь ли, Андрей, никто из роты не хочет остаться последним и навлечь на свой взвод коллективную кару. Команду 3/15 мы выполняем регулярно, повторяя часто по три-четыре раза за один приём пищи. Меня забавляет, что никто из командования части и хозяйственной службы не высказывает нашему старшине и сержантам недовольство в связи с ежедневным ремонтом дверей столовой. Чёрт с ним с повторением 3/15, но давка травмирует и приводит к стычкам меж самими разведчиками, опускающая сцеп с курсантами из других рот. В одном из таких неумышленных столкновений при выполнении 3/15 сцепились два наших друга Руст и Стрела, но вскоре они помирились. Должен заметить, на этом издержки команд 3/15 ещё не заканчиваются. Каждый раз при выходе из столовой, после завтрака и обеда, мы убываем на полевые занятия и перед этим обязаны наполнить индивидуальные полторалитровые фляжки мутно-жёлтым чаем из верблюжьей колючки. Потратив время, отведённое для приёма пищи на многократное повторение команд 3/15, рота сильно озлобляется. Выйдя из столовой, не поев, по приказу сержантов

ИЛЬЯС ДАУДИ

она направляется к чайхане, чтобы наполнить фляжки чаем. Там стоит непроходимая толпа, обступившая подходы для наливки чая. К тому же, распуская строй разведроты, сержанты громогласно объявляют лимит времени — 5 минут. Надо отметить, за отсутствие у кого-либо чая всю роту ждёт коллективное наказание. Это мотивирует нас к решительным действиям. Мы группами вклиниваемся в толпу и, заняв места напротив разливающих чай поваров-узбеков, допускаем к ним лишь своих. Иного выбора у нас не остаётся.

А с едой, брат, как-то выходим из положения, мы ведь разведчики. Поняв, что столовскую похлёбку есть невозможно, два дня назад мы шестером — Монгол, Стрела, Костян, Руст, Сидор и я — забежали в горячий цех на кухню и, столкнувшись с возмущёнными возгласами поваров, сделали им жёсткое внушение, заставив отдать съестные блюда, приготовленные для себя. Слово «разведрота» заставляет их теперь трепетать. С того дня на кухню мы заходим, как к себе домой, шарим по холодильникам и кладовкам, забираем продукты и готовую еду. Видишь ли, большая физическая нагрузка требует большого количества еды. Вот мы и добываем её везде, где возможно. Кстати, большое спасибо за посылку с моими любимыми конфетами: «Ласточка», «Мишка на Севере», «Красная шапочка», «Коровка», «Каракум» и юбилейным печеньем. Их вкус напомнил мне дом. Содержимое посылок мы делим на шестерых. Правда, адаптация организма средней полосы к данному региону проходит не быстро. Любое сладкое незамедлительно приводит к сбою в работе желудка, вызывая понос. Массовый всплеск диареи отражается на учебных занятиях. Потому на построениях наш командир роты старший лейтенант Ровба сильно бранится, применяя для доходчивости выражение: «Ну что, обезьяны?! У солдата живота болит?! Повторяю ещё раз, если хоть одна обезьяна поест что-то за пределами столовой и выпьет что-нибудь вместо чая из колючки, спать и ходить под себя будете стоя!» Оттого, во избежание дизентерии, желтухи, тифа, маля-

рии, едим мы не из тарелок, как это принято, а из индивидуальных алюминиевых солдатских котелков с крышками. Нижняя, глубокая их часть служит тарелкой, а верхняя крышка — чашкой. При этом сержанты строго следят, чтобы в котелки постоянно была налита дезинфицирующая хлорированная жидкость. Хранятся они до следующего приёма пищи на этажерках у входа в палатку. К примеру, если вдруг «хоть у одной обезьяны», как выражается наш ротный, в момент внезапной проверки хлорной жидкости в котелке не окажется, то будет всем разнос. Следует отметить, что питьевой воды в нашем понимании в части не бывает. Она здесь привозная и доставляется в ЗИЛах-водовозках. Одну её часть после кипячения используют в столовой для готовки пищи и заваривания чая из верблюжьей колючки. Этот чай единственное разрешённое здесь питьё. Другой частью привезённой воды наполняют три большие цилиндрические ёмкости, оборудованные на высоте шести метров и питающие длинные двадцатикрановые умывальники, в которых моется вся часть. Днём под лучами палящего солнца вода в цистернах становится горячей. Ночью от перепада температур она остужается и становится очень холодной. Пункт заваривания и розлива чая из верблюжьей колючки, названного вкратце «чайхана», находится сбоку от столовой. Это саманная постройка с шестью огромными, углублёнными в ниши казанами и газовыми горелками. Исходящий от неё жар, смешиваясь с раскалённым от полуденного зноя воздухом, делает пребывание рядом невыносимым. Над клокочущим в казанах кипением горделиво нависают субтильные повара-узбеки, залихватски мешая длинными армейскими черпаками с чугунными наконечниками кусты верблюжьей колючки. Прокипятив их подолгу, они сноровно заливают чай в горловины тысяч фляжек. Оказывается, Андрей, чай из верблюжьей колючки обладает массой полезных свойств, в особенности сильным противомикробным действием, нормализующим работу желудочно-кишечного тракта. К тому же он здорово утоляет жажду. Занятно, чтобы это узнать, мне надо бы-

ИЛЬЯС ДАУДИ

ло попасть в армию и оказаться в ТуркВО. Да что я о себе да о своей службе?! Как твоя учёба? Как наши девчонки из группы? Обо мне спрашивают? Если да, то горячий им от меня привет! Я по всем скучаю. Напиши мне, какое новое кино показывают в кинотеатрах и по телевизору? Ты только не ленись. Пиши обо всех наших знакомых. Мне интересно всё. Обними отца и поцелуй маму. Твой брат-близнец Иван.

СУРХАНДАРЬИНСКАЯ ОБЛАСТЬ, УЗБЕКСКАЯ ССР,
октябрь 1984 года — учебка ТуркВО

Привет из Сурхандарьи!

Здравствуй, брат Андрей! У меня всё ладом. В службу, можно сказать, уже втянулся. Только что прибежали с многокилометрового марш-броска с полной выкладкой с рюкзаками, наполненными песком. Содержимое рюкзаков зависит оттого, в какой местности бежим. В горах вместо песка — каменистая осыпь. Днём бегать хорошо, а ночью не очень. Вот тебе, к примеру, случай: два дня назад приходим мы в палатку после команды «отбой» с умывальника, уже помытые. В этот день мы смертельно устали от занятий на полигоне и мечтали, дойдя до коек, упасть и вмиг заснуть. Вдруг старшину Толстопёрова переклинило. Его возмутило, что в тумбочке Сидора он обнаружил отсутствующий в списке разрешённого русско-английский разговорник. Он устроил всей роте нагоняй. В воздаяние за деликт мы обхватили свёрнутые в матрасы одеяла и подушки и совершили ночной марш-бросок к афганской границе и назад. Общее расстояние шесть километров. До того три раза бегали по данному маршруту с прикроватными тумбочками. Представляю, как ты смеёшься. Порядок в палатке — это извечный повод для трёпки. Возможно ли сохранить в ней чистоту, если ветер-афганец через щели беспрестанно задувает песок из пустыни? Навести углы на утлых одеялах поверх прохудившихся бесформенных матрасов?

Уложить каждому курсанту форму на табуретах, когда их попросту не хватает?! Любая из этих провинностей легко используется старшиной и сержантами для коллективного распекаания. Повод, нужно отметить, часто притягивается ими искусственно. Вот тебе ещё один курьёз из наших весёлых солдатских будней: пока весь личный состав находился на полевых занятиях, дежурный и дневальные роты перед лицом угрозы солидарной ответственности, как и полагается, скрупулёзно следили за чистотой и порядком в палатке. Когда рота вернулась с ужина, перед вечерней поверкой под койками Монгола и Стрелы — некурящих, отмечу — старшина Толстопёров обнаружил два окурка сигарет «Ява». От находки он пришёл в притворное испугание, начав тотальный осмотр под койками во всех трёх палатках разведроты. В итоге из-под коек Костяна и Сидора, к сведению также некурящих, негодуяюще извлёк ещё два окурка «Явы». Сам старшина Толстопёров, замечу, курит именно «Яву». Смешно, правда?! Спустя часы история с окурками нашла продолжение в массовом, хорошо отрежиссированном театральном действе под названием «похороны бычков». После команды отбой, едва все заснули, старшина Толстопёров объявил роте тревогу и построение. Перед строем с серьёзным видом он сообщил о проведении текущей ночью церемонии погребения бычков. Вопреки комичности причуды он с серьёзным видом разделил сто курсантов роты на четыре группы и поставил каждой конкретные задачи.

Первая группа тридцать три курсанта — копатели ям. Старшим в ней назначили Руста. Его группе надлежало безотлагательно убыть на окраину части и вырыть два глубоких рва габаритом «2/2/2», по одному на два окурка. Вторая группа из восемнадцати курсантов — были «носильщики гробов». На деле курсанты, несущие простыни с окурками — условными покойниками. В неё вошли Костян и Стрела. Третья группа, самая многочисленная — сорок два курсанта, — «безутешные родственники» и сочувствующие. Большая их часть была обязана истошно рыдать, стенать и причитать. Меньшая — нести траур-

ИЛЬЯС ДАУДИ

ные венки. В ней оказались Сидор и я. Четвёртая группа, самая малочисленная, семь курсантов, была «похоронным оркестром». Он должен был «лабать Шопена». То бишь играть траурный марш. Туда охотно напросился Монгол. Полтора часа пока группа Руста ретиво рыла беспрестанно осыпавшийся песочный грунт по приказу старшины Толстопёрова, столярный мастерской Костян сколотил два больших креста с наклонными перекладинами. Мы со Стрелой подрезали с заборных ограждений стальную колючую проволоку, сплели из неё три каркаса ритуальных венков и обвили их отрезками чёрной и красной материи, загодя надписав белой зубной пастой. Сидор и Монгол по наведению старшины притащили откуда-то старый аккордеон, пробитый барабан, узбекские дойру¹ и гиджак², духовой горн, керосиновые лампы, парафиновые свечи и несколько простыней. Ожидая завершения землекопательных работ, сержанты ещё раз объяснили группам их задачи и отрепетировали отдельные элементы. Затем они выстроили в правильной последовательности траурную процессию, включавшую в себя несущих тела, безутешных родственников и оркестр, и стали ждать приказа старшины к началу движения.

Приблизительно в час ночи траурное шествие двинулось к месту назначения. Впереди шёл колоритный похоронный церемониймейстер — двухметровый, с благодетельным ликом азербайджанец по имени Мамед. В вытянутых вперёд руках вместо портрета покойного он нёс жёсткую, с приоткрытым верхом, пачку сигарет «Ява». За ним следовали шесть курсантов, державшие по обе стороны три траурных венка от каждого из трёх взводов. Чёрные и красные отрезки материи, обвязавшие их окрест наискосок, были с белой надписью «Скорбим». Далее шла группа, нёсшая на уровне плеч четыре белых про-

---

¹ Дойра — среднеазиатский ударный музыкальный инструмент типа бубна.

² Гиджак — среднеазиатский струнный смычковый инструмент с шарообразным корпусом.

стыни, растянутых в гладкое полотно. В центре каждой расположили четыре спичных коробка с окурками внутри. По сценарному замыслу старшины Толстопёрова это были условные гробы с телами покойников. За ними двигалась группа из многочисленных родственников с зажжёнными свечами. Замыкал траурное шествие оркестр. Он издавал какофонию неизвестного музыкального произведения. Сбочь шествия, оббегая по кругу и сердито горланя в рупорный громкоговоритель, шёл старшина Толстопёров. Он требовал от родственников большей искренности в безутешности: «Драмы не вижу! Горя больше, горя! Больше натуральности! Громче плачьте!» Видя чьи-то пересмешки и хихиканья, Толстопёров сильно нервничал. Он подбегал к ним и, тяготя взглядом, грозил указательным пальцем либо приставлял кулак к носу. Вскоре стоявшая по команде «смирно» у места погребения — двух глубоких рвов — команда копальщиков ям увидела на горизонте скорбное шествие. Оно приближалось под зычное неблагозвучие вариации траурного марша, сращённого с шаманскими камланиями¹ Монгола, и зоем терзавшихся родственников.

Прежде чем опустить «тела с покойниками» в ямы, старшина произнёс траурную речь:

— Сегодня мы провожаем в последний путь четыре окурка, нагло и бесцеремонно брошенных под койки нерадивыми курсантами. Пусть эти похороны будут им уроком в поддержании чистоты и порядка в палатке! Вечная память!

После пламенной речи старшина провёл взглядом по курсантам, безмолвно принудив к повторению крайней фразы. Рота разом вслед проголосила:

— Вечная память!

Затем старшина Толстопёров кивнул головой, дав сигнал к окончательному прощанию с «покойными». По напомина-

---

¹ Камлание — ритуал, сопровождающийся пением и ударами в бубен, во время которого шаман, общаясь с духами входит в состояние неистовства.

ИЛЬЯС ДАУДИ

нию сержантами регламента, погоготываясь и едва сдерживая смех, рота начала стоустро завывать. Старшина, неудовлетворённый зычностью, требовал её усилить. После укладки простыней на дно ям родственники затушили свечи, а оркестру приказали временно не греметь. Первыми, чтобы бросить горсти песка в могилы, прошли родственники, за ними все остальные. Дождавшись, пока это сделают все, Толстопёров, подобно взыскательному дирижёру, навёл взор на оркестрантов и родственников и, взмахнув ладонями, возобновил жальливую сонату и стоустый голк рыдания. В увенчании траурной процедуры все дружно взяли лопаты и наскоро забросали ямы песком. На могильных холмах установили кресты с датой захоронения и приставили к ним венки. После этого рота направилась спать. Уже через два часа мы, как ни в чём не бывало, поднялись и совершили утреннюю пробежку. Но на этом наша театральная эпопея не закончилась. Через два дня наш друг Монгол вовлёк нас в шаманские камлания. Говоря проще, в обряд изгнания злых духов. Для этого мы вшестером ушли ночью в пустыню, разожгли костёр, а он, облачившись в шаманские одеяния, шествовал вокруг костра, горланя и ударяя в бубен. А в остальном служба идёт своим чередом. Очень по вас скучаю. Обними отца, целуй маму. Твой брат-близнец Иван.

МОНГОЛ

СУРХАНДАРЬИНСКАЯ ОБЛАСТЬ, УЗБЕКСКАЯ ССР,
октябрь 1984 года — учебка ТуркВО за два месяца
до отправки в Афганистан

ПАЛАТКА УЧЕБНОЙ РАЗВЕДРОТЫ на полигоне ТЕРМЕЗ
31 октября 1984 года.

После вечерней поверки Монгол обошёл каждого из пятерых друзей — Костяна, Руста, Стрелу, Сидора, Костра — и сообщил:

— Я договорился со старшиной Толстопёровым, что ночью он отпустит нас шестерых за пределы части в пустыню, дабы я смог совершить традиционный для конца октября обряд изгнания злых духов. Так что будьте готовы выступить в 23.00, когда в роте все уже заснут!

У друзей это вызвало неподдельный интерес: что же Монгол посулил Толстопёрову за разрешение, которое могло ему стоить старшинских погон? Но не стали его допытывать, оставив расспросы на потом, и единогласно поддержали.

Монгол — Дархан Бадмаев, был бурятом, уроженцем города Улан-Удэ, столицы Бурятской АССР. Он родился и вырос на берегу Байкала. По натуре секурс — верный, надёжный, честный и простодушный, зело благочестивый. Приметно, Монгол был рослым маштаком с азиатским типом лица и сломанными, как у многих борцов, ушами. Имя Дархан родители выбрали ему не случайно: Монгол принадлежал к сыздавна известной в Баргуджин-Токум — этнической Бурятии — династии кузнецов дархан удха, унаследовавшей также и шаманское мастерство боо удха. Из шаманских династий — это повелось в их в народе издревле — выходили как шаманы, так и кузнецы. По бурятским преданиям, кузнечному ремеслу шаманов-кузнецов научили духи, спустившиеся с верхнего мира. Наличие «удха», корня шаманского происхождения, позволяло Монголу стать шаманом — избранником бога, посредником между верующими и сверхъестественными силами. По отцовской халуунай-линии Монгол унаследовал «удха» белых шаманов — сагаанай удха, творивших благо. Посему в народе их род был почитаем. По линии матери-хари к Монголу перешёл корень чёрного шамана — харын удха. Сила его заключалась в покровительстве злых духов. Состоящие у них на службе шаманы харын удха способны своими камланиями ранить души, нести болезнь и даже пагубу. Но у бурят принято считать, что харын удха — это не обязательно значит плохо. Просто у каждого удха свои задачи. В сущности же, Монгол при-

ИЛЬЯС ДАУДИ

надлежал к хоёр тээшээ ябадалтай, обладавшим двумя силами одновременно: сагаанай удха и харын удха — белого и чёрного шаманов.

В 23.00, как и уговорились с Монголом, друзья собрались за палаткой разведроты. Дул порывистый ветер, моросил мелкий промозглый дождь. Накоротке, заглянув по просьбе Монгола в каптёрку, друзья достали из угла гремевший содержимым габаритный куль и лежавшие у выхода три большие связки досок. Распределив меж собой груз, они дошли до края части, просочились сквозь колючую проволоку и удалились в глубь пустыни.

— Монгол! Ты нам ничего не хочешь сказать? — прервал тишину Стрела.

— В конце октября открывается граница между мирами, — поведал Монгол, — и я обязан облегчить переселение духов умерших, витающих среди людей, в исподний мир. В этой связи по традиции мне насущно исполнить тайлаган — камлания. Проще говоря, молебствия, сопровождающиеся ритуальными танцами вокруг костра с боем в бубен.

— Ты к доктору должен пойти и сказать — лекарство он даст, если болен! — пропел, фиглярничая, Сидор.

— Тайлаган проводят в культовом месте, — продолжил Монгол, не отвлекаясь на позёрство Сидора, — на берегу водоёма, у подножия горы, на её вершине, в пустыне. У нас сызвеку считают, что гора, большая вода, вековое древо, пустыня имеют своего духа.

Кондибобер Монгола друзья исперва восприняли как розыгрыш, но бессменность его серьёзного лица наскоре вызвала у друзей громкий смех.

— Хорошо! Это стародавняя традиция и обряд, — разделил приверженность Руст, — но мы-то здесь что делаем?!

— Лично я предпочёл бы поспать, — выразил мнение всех Костян. — Завтра ни свет ни заря подъём в пять утра и марш-бросок.

— Но мы ведь друзья! — произнёс потухшим голосом Монгол. — А обряд принято совершать в кругу близких и друзей.

— Допустим, — подключился Стрела, задав тут же вопрос: — Но как ты объяснил причину нашего отлучения старшине?

— Сказал как есть! — ответил Монгол.

— Как есть?! — со взбудой переспросил Сидор. — То есть ты сказал: старшина Толстопёров, сил никаких нет, хочется вокруг костра побегать и до одури в бубен постучать?! А он таки душевно проникся и на камлания тебя благословил, отпустив ночью в пустыню с пятью товарищами — так что ли?! — выпытывал Сидор.

— Но почему же? Не сразу, — стушевался Монгол, начав толмачить. — Я нашёл к старшине особый подход и о многом с ним смог договориться. В том числе и о тайлагане.

— Давай, Монгол, батушно раскладывай, — напирал Сидор, — что это за особый подход такой?!

— Это не столь важно! — уклонился Монгол от ответа.

— Ну а всё-таки? — не унимался Сидор.

Монгол немного поразмыслил и сдался.

— Золото! — ответил он просто. — Я дал ему золото!

— Золото?! — воскликнул Сидор. — Какое золото?!

— Самое обыкновенное! Пластина червонного золота 999-й пробы весом 30 граммов, — пояснил Монгол.

— Да ты, Монгол, лакшевый фраер! — балагурил Сидор. — Во времена, а?! Бурятские нувориши в армию цветняк тащат!

— А как ещё старшину задобрить? — согласился с Монголом Руст. — Только так!

— Он шутит! — не поверил Костян.

— Совсем нет! — ответил Монгол. — Могу даже рассказать, как это было. Я дал ему золото, которое взял из дома и тайно хранил в разных местах.

— А не круто ли 30 граммов червонного золота старшине, а?! — изумлялся Стрела.

— Уходя в армию, я предвидел, что золото мне наверняка пригодится, — разоткровенничался Монгол, — в этом сентя-

ИЛЬЯС ДАУДИ

бре, я к сожалению, пропустил тайлаган закрытия Небесных врат. Посему для меня важно это сделать сейчас. Поймите вы! — растолковывал он недоумевавшим друзьям. — Этот кусок золота — ничто по сравнению с моей душевной потребностью провести камлание! Оно сродни глотку воздуха. Это моя воля и стремление к жизни.

— Огни в моих топках совсем не горят, в котлах не сдержат мне уж пару, — пропел вновь отрывок из старой матросской песни забавлявшийся Сидор.

— Вот старшина, а?! — негодовал Костёр.

— А що ви хочете?! Життя як воно є! — перешёл на братскую мову Сидор, предложив со стёбом. — Якщо тайлаган для нашого гарного бурятського хлопця цей важливий, то треба допомогти йому випустити пару, дивись, й нам від його розкошництва яка золота пластина обломиться.

— Монгол, ты нас потряс! — с патетикой провозгласил Руст. — Советский парень, комсомолец, мастер спорта по борьбе! Лучший выпускник улан-удинского медучилища! И на тебе!

— Лучший в таланном грядущем зубной техник и золотарь Забайкалья, — добавил с иронией Костян, — на поверку оказался примитивным шаманом.

Когда все желавшие высказались, Монгол показал место, куда нужно сложить доски, и разжёл костёр. Ветер быстро раздул языки пламени, а Монгол достал из куля рукодельные тоног — предметы шаманской утвари — и облачился в боо хояг, шаманское платье, назвав его подлинно доспехом шамана. Друзья молча переглянулись и продолжили наблюдать. Боо хояг было изготовлено из новенькой плащ-палатки. Оно имело вырез для головы и подвязывалось тесёмками сзади. Спереди от груди вниз тянулись разноцветные длинные ленты с хонхо — колокольчиками на концах. На спине белым цветом изображено мировое древо, над ним жёлтое солнце, луна и звёзды. Низ боо хояг был обвешан то ли лисьими, то ли заячьими шкурками и обшит по краю рудой скатертной бахромой. К за-

пястьям и локтям, а также поперек груди и спины окрест в ряд были подвешены десятки маленьких бубенцов и колокольчиков. На спине ниже плеч Монгол прикрепил гусиные перья, ассоциативно напоминавшие крылья. Они придавали надевшему боо хояг шаману птичий облик. Колокольчики и бубенцы при движении бряцали и создавали шум. На голове Монгола был майхабша — металлический венец из обода и двух изогнутых поперечен, на которые сверху были прикреплены рога джейрана. Пятеро друзей вновь переглянулись.

— Мама родная! — сквозь смех прогорланил Сидор. — Сгинь, нечистая сила!

— А как же азбука всего материализма, а за ним и марксизма?! — спросил Стрела. — Монгол, ты вообще комсомолец?!

— Он враг коммунизма, он, в общем, аскет! — декламировал со смешками стихи песни Сидор. — Как все за границей, он ходит молиться, а где-то хранится его партбилет.

Друзья пересмеялись, но промолчали.

— Монгол! Это Толстопёр тебя обеспечил предметами для шаманской утвари? — догадался Руст. — Он?!

— А кто ж ещё?! — без сомнений утвердил Сидор. — А где бы наш батушный¹ наперсник всё это жукнул? Да за 30 граммов червонного золота старшина и сам легко б облачился в боо хояг да, надев на голову майхабша с ветвистыми рогами, пустился в пляс коло костра, рьяно побивая в бубен.

Друзья расселись вокруг костра. Монгол достал из кармана варган², очевидно привезённый также из дома, приложил его к зубам и, закатив зеницы лёгким касанием кончика среднего пальца — назад и вперёд, начал бой по тонкому металлическому язычку инструмента, издавая магический звук. В процессе

¹ Батушный — честный на воровском сленге (по фене)

² Варган — восточный щипковый музыкальный инструмент размером чуть длиннее спичного коробка.

ИЛЬЯС ДАУДИ

игры он податно манипулировал губами, языком и гортанью, изменяя тональность бурдонного звука и вызывая артикуляционные звуки типа: эй-я, ой-я, ай-я, ий-я. Растягивая и прерывая вдох, он удлинял и укорачивал звук. А давя во время боя кончиками пальцев на диафрагму, вызывал его эхо-образность. Поиграв на варгане, Монгол взял в руки хэсэ — бубен, заимствованный у какого-то азиата в части, по факту — узбекская дойра — и, прежде чем начать камлание, взялся несведущих в шаманском тяжении просвещать:

— Абы изгнать враждебных духов и исцелиться, я наперво должен вселить их в себя. Это называется онгод ороод — погружение в состояние неистовства. Посему заранее прошу не робеть, — предупредил Монгол.

— Э, нет! Этот макар не для меня! — сарказмировал Сидор. — А вдруг ты кони двинешь? Тебе будет уже всё нипочем. А нам одна дорога — в дисбат¹!

Монгол сохранил серьёзность и продолжил:

— Прежде чем выйти в ябдал — путешествие — и начать движение вокруг костра, ударяя орба — колотушкой в хэсэ, я закрою лицо повязкой. Это нужно, чтобы злые духи меня вдруг не узнали и не забрали с собой. В это время необходимо, чтобы вы вытянули руки к огню и в ритм боя, переваливаясь с боку на бок, возглашали: «Уа, уа, уа!» Когда же я остановлю движение, встану на одном месте, подниму над головой хэсэ и доведу бой до дроби... — Он показал, как это будет, и продолжил: — В этот момент вы горланьте и топайте ногами. — Он показал паки, как оно должно выглядеть.

Друзья снова переглянулись и пересмехнулись.

— Но прежде чем хэсэ — волшебный конь — окажется в моих поводьях и я начну в него бить, я должен призвать его дух снизойти ко мне и стать моим союзником — онгоном. А пока, — тут Монгол протянул Костру хэсэ и орба с меховым наконечни-

---

¹ Дисбат (дисциплинарный батальон) — специальная воинская часть, где отбывают наказание осуждённые военнослужащие.

ком и изогнутой рукояткой, — будет хорошо, если ты, Костёр, заходя в него постучишь. Это не моя прихоть, — объяснил Монгол, — насущность!

Друзья пересмеялись и посмотрели на Костра. Он слегка сконфузился, но просьбу выполнил. Послежде Монгол встал перед пылавшим костром, поднял голову к небу и постоял в ожидании духа бубна несколько секунд. В это время Костян и Стрела подбросили в костёр досок.

— Монгол! — прервал предвкушение полёта Руст. — Я, так и быть, останусь, но в тайлагане твоём участвовать не буду!

— Хорошо! — согласился, кивнув головой, Монгол и, закрыв лицо защитной повязкой, отправился в путешествие. Размеренно переваливаясь с ноги на ногу и качая головой, он неторопливо двинулся вокруг костра, ударяя в бубен и ведя горловое пение.

— Всё, началась парикрама¹! Унылую песню заводит, про Родину что-то поёт, — со смешками лясничал Сидор.

Постепенно ритм боя в хэсэ, отождествлявший цокот копыт волшебного коня, стал нарастать, сочетаясь с криками «Уа, уа, уа» и бряцанием колокольчиков и бубенцов на боо хояг, создав общий шумовой фон и позволив сознанию Монгола единиться с духами. В кульминации дух бубна целиком овладел сознанием Монгола, управляя скоростью его движений и ритмом ударов, плавно погружая в состояние онгод ороод — глубокого транса. Участив бой до дробы и громко прокричав нечленораздельное, Монгол рухнул подле костра и начал биться в конвульсиях. Это ввело друзей в смятение. Они допустили, что у Монгола произошёл сбой. Тот же Сидор, короткое время назад потешавшийся над ним, оцепенел.

— Подождём! — предложил Руст, сдержав за рукав, вскочившего с места Костра, желавшего привести Монгола в чувство.

Спустя секунды, Монгол резко замер.

---

¹ Парикрама — ритуальный обход вокруг святыни индуизме и буддизме.

ИЛЬЯС ДАУДИ

— Улетел! — с облегчением констатировал Костян.

— Да уж! — выдохнул Стрела.

— Вот и вся недолга! — прокомментировал Сидор и пропел: — Увидел на миг осветительный свет, упал, сердце больше не билось.

Друзья взирали на распластанное неподвижное тело Монгола, не отводя взгляда. Их чувства разнились. Были весёлость, оторопь, ярость и сочувствие. Руст и Стрела неистовствовали. А Костян, Костёр и Сидор по-дружески забавлялись.

Ветер в пустыне внезапно стих. Угли костра, покрывшиеся серой золой, уже дотлевали. Изневесь Монгол начал подавать признаки жизни. Он открыл очи, пошевелился, потянулся и медленно привстал. Как ни в чём не бывало и не помня произошедшего, лучившийся счастьем Монгол молча достал из мешка десять банок сгущёнки и, подкрепляя благодарность крепким рукопожатием, стал раздавать каждому по две штуки. Когда дошёл до Руста, тот со словами «Да пошёл ты!» отвернулся.

— Не полошись, Монгол, не утратится шарахунка! Мы поделим её меж собой, — успокоил улыбавшийся Сидор и отрадно запел старую 1916 года песню: — Ах, зачем эта ночь, так была хороша?! Не болела бы грудь, не страдала б душа...

На обратном пути друзья молча шли по пустыне, и каждый думал о своём. Впереди скорым шагом шли Руст и Стрела, за ними Костян и Костёр. Едва подотстав, в обнимку брели блаженный Монгол с кулем тоног за спиной и пресчастливым Сидор, напевавший по случаю старую, 1880 года песню сибирских острожников: «По диким степям Забайкалья, где золото моют в горах, бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах». Когда друзья зашли в палатку, рота ещё спала. Услышав шебаршение, старшина Толстопёров, с калгазой ожидавший возвращения друзей, привстал. Он окинул всех взглядом, визуально насчитав нужное количество, и, проматерившись негромко, снова лёг, отвернувшись в другую сторону.

ПИСЬМО КОСТРА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ ИЗ УЧЕБКИ

СУРХАНДАРЬИНСКАЯ ОБЛАСТЬ, УЗБЕКСКАЯ ССР,
октябрь 1984 года — учебка ТуркВО

Привет из Сурхандарьи!

Здравствуй, брат Андрей! У меня всё хорошо. Служу честно, очень пригодилось то, что на гражданке занимался спортом. Рукопашному бою при подготовке войсковых разведчиков уделяется особое значение. На занятиях мы отработываем боевые приёмы с сильным противником, в том числе против группы. В реалиях мы практикуем их применение на учебных засадах к строптивым самоходам. Так у нас называют тех, кто в ночное время самовольно покидает часть для посещения продмага ближайшего кишлака. Дабы пресечь это пристрастие, командир части приказал нашему командиру роты, старшему лейтенанту Ровбе, регулярно проводить такие засады. Задержанных на них военнослужащих приказано вести в штаб к дежурному по части. В монотонном учебном процессе засады для нас это отдушина. Участвуя в них, мы развиваем свои профессиональные навыки: учимся их организовывать, вести ночное наблюдение, совершать налёт и силовой захват. Перед выходом на засаду мы одеваем маскхалаты, затем разбиваемся на группы и под покровом ночи скрытно выдвигаемся за пределы части. Там занимаем выгодные позиции, маскируемся, и ведём наблюдение. При обнаружении самоходов пропускаем их в кишлак и задерживаем на пути обратного следования уже с грузом. В случае оказания сопротивления применяем силу и связываем. Засады проводятся под управлением командиров взводов — лейтенантов. Нашими действиями руководят непосредственно сержанты. Задержанных самоходов, не озираясь на их звание и должность, мы сопровождаем

ИЛЬЯС ДАУДИ

в штаб и передаём дежурному по части. Спиртное, если оно бывает в наличии, остаётся в штабе, а продукты — это уже наш законный трофей. Его мы забираем себе. Командир, хоть и не командует действиями роты на засадах, полностью посвящён в их ход.

По завершении засад он проводит разбор полётов, указывает на ошибки и объявляет отличившимся благодарность. Невзирая на плотную дневную загрузку участие в ночных засадах вызывает у нас азарт. Такое ощущение, будто находишься на охоте. К тому же появляется редкая возможность поесть нормальную еду. При этом действия отдельных наших курсантов за пределами части часто бывают крайне рискованными. Взять, к примеру, казус после одной из ночных засад, когда в предрассветном полусвете Сидор, Костян и Стрела взялись вынести с колхозной бахчи арбузы под носом у вооружённой охраны. В процессе они чем-то себя обнаружили и, вызвав стрельбу из охотничьих ружей, едва не стали жертвами. Когда об этом узнал Ровба, наказание роте было суровым. Умение скрытно проникнуть и унести с собой злободневное, оставшись незамеченным, приветствуется. А за попадание отдельных курсантов в истории отвечает вся рота. Наши офицеры многое знают или предполагают об экспедициях своих солдат, но никогда их не сдают при внешнем разборе. В роте традиционно не приветствуют пребывание в очередях, где бы они ни были: на входе в столовую, у умывальников, в пунктах розлива чая во фляги или набора дезинфицирующей жидкости в котелки. В этих и других местах, применяя силу, дерзость, смекалку и слаженно взаимодействуя, курсанты разведроты также обновляют себе всю амуницию: форму, панамы, кожаные ремни, фляжки. Это приводит к великому множеству потасовок и драк с курсантами из других рот, перерастающих порой в кулачные баталии. Под клич «Разведка» из разных концов части сбегается вся разведрота. Каждый из нас обязан откликнуться на этот зов

и прийти на помощь товарищам. Таков неписанный закон разведроты.

Однажды, притеснение разведчиками курсантов танкового батальона, целиком состоящего из армян после мелкой стычки переросло в массовый конфликт между подразделениями, распространившийся повсеместно. Крайнее побоище по принципу стенка на стенку мобилизовало 100 курсантов разведроты и 300 танкистов. Помимо кулаков в ход пошли все подручные средства: деревянные штакетники, солдатские кожаные ремни с заточенными рантами блях и поварские черпаки с черенками длиной с лопату и увесистыми, в три килограмма, чугунными ковшами, отнятыми у поступчивых поваров-узбеков. После жестокой рубки, прерванной криком «Замполит!», на месте толковища остались переломленные битъём черенки с чугунными ковшами и по 10 курсантов с каждой из сторон, лежавшие вразброс с ушибами и кровоточащими ранами. Узнав, что конфликт разведроты и танкового батальона принял устойчивый характер, замполит части майор Каримов, за спиной которого было два года службы в Афганистане, назначил двум подразделениям общее построение. На нём он произнёс заветную фразу: «Скоро вам отправляться „за речку“ и вместе идти в бой, а вы бьёте друг друга до полусмерти». После этих слов, он заставил стороны пожать друг другу руки и впредь никогда не конфликтовать. На этом, Андрей, я заканчиваю своё письмо. Обними отца, поцелуй маму. Твой брат-близнец Иван.

ГОРНЫЙ УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР ШЕРАБАД

Был декабрь. Несмотря на зиму, погода в Сурхандарье редко сменялась на ненастье, оставаясь ведренной: +10°C. После месячного курса молодого бойца и принятия военной присяги на Термезском полигоне, Костра, Сидора, Костяна, Стрелу, Руста и Монгола в составе разведроты направили в Горный учеб-

ИЛЬЯС ДАУДИ

ный центр (ГУЦ), расположенный в 89 километрах северо-западнее. Там, в течение двух месяцев предстояла горная, тактико-специальная и огневая подготовки. На вершинах холмов ГУЦ были оборудованы палатки разведывательной и горно-стрелковых рот. Три палатки взводов разведроты стояли особняком на окраине тыльной части горного центра. Вскрай им для занятий по огневой и тактико-специальной подготовке находились стрельбище, и душманский городок, представлявший собой точное подобие афганского глинобитного кишлака с хижинами, строениями и узкими улочками. К расположенным в подоле солдатской столовой, умывальникам и кино клубу под открытым небом с ближайших холмов вели крутые узкие тропы.

ПИСЬМО КОСТРА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ

Привет из Шерабада!

Здравствуй, брат Андрей! Уже декабрь. Прости, что какое-то время не писал. Не было возможности. Сообщаю брат, что рота наша сменила место дислокации и находится теперь в Горном учебном центре в Шерабадском районе. Уже потёмки и дали команду «Отбой», но я на свой риск сел под фонарь, освещающий пространство за нашей палаткой, и решил написать тебе письмо. Ночи в горах холодные. В палатках стоят буржуйки. Топим их углём посменно. Служба мчит стремительно — очевидно, из-за плотного графика занятий. Физические нагрузки большие. Оттого просыпаешься ночью от судороги ног, но крайне об этом сожалеешь. Смрад непроизвольного выброса углекислых газов и испарения потной влаги из солдатских портянок в нагретом за день воздухе внутри палатки просто непереносим. Для стабилизации работы сердца нам даже раздают специальные таблетки. Горная подготовка включает много-

кратные стремительные восхождения, длительные горные переходы и крутые спуски — всё с полной выкладкой и дозагрузкой. Альтернативой команде «3/15» на полигоне в горах является «Сопка наша — сопка ваша». Это приказ к экстремному овладению вершиной.

А вообще — как назидает нас командир роты старший лейтенант Ровба: «Самоидентичность разведчика формируется многими часами занятий по боевой, тактико-специальной, огневой и физической подготовке, а также рукопашному бою». Во время дневных и ночных стрельб, он постоянно находится с нами на стрельбище, выделяя каждому отдельное время. Учит меткой стрельбе с положений лёжа, с колена, на ходу, с короткой остановки, снайперски, а также по движущимся целям. Бывает, целый день проведём на стрельбище, вернёмся в палатку, не чувствуя ног, а после ужина нам вновь дают приказ получить оружие и выдвинуться на ночные стрельбы. Старший лейтенант Ровба объясняет, что в боевой подготовке разведчиков важная роль отводится огневой подготовке — совершенству владения разными видами оружия. На днях мы стреляли из станкового гранатомёта АГС-17¹. До этого освоили технику метания ручных гранат РГД-5². В.И. Ровба требует, чтобы у каждого курсанта-разведчика по огневой подготовке была пятёрка. Особенно интересно проходят занятия, на которых объясняет способы разведки целей, определение их дальности, способы управления огнём, а также назначение, боевые свойства, материальную часть оружия, правила и приёмы стрельбы. Вместе с этим он учит нас бережному отношению и уходу за оружием.

В перерывах между стрельбами В.И. Ровба охотно делится примерами из личного опыта участия в боевых действиях. По его мнению, выдержка, психологическая устойчивость, умение экономить время и боеприпасы на войне — это залог успеха. Например: «Вы высадились в горах и увидели бегущего между валуна-

---

¹ АГС-17 — 30-мм автоматический гранатомёт на станке «Пламя».

² РГД-5 — советская наступательная ручная граната.

ИЛЬЯС ДАУДИ

ми „духа“. В эйфории не палите очередями! Переведите стрельбу на одиночный режим и ведите цель на мушке. Определите укрытие, из-за которого он должен выскочить, прицельтесь и ждите. Он обязательно предстанет, и вы его настигните». Могу с гордостью сообщить: я на «отлично» овладел стрельбой из АКС-74¹, ПКМ² пулемёта Калашникова, гранатомёта АГС-17 и метанием ручных гранат РГД-5. Говоря о тактико-специальной подготовке разведчиков, рядом с палатками разведроты на окраине части сооружён предельно схожий с подлинным афганским кишлаком «душманский городок». Он состоит из множества глинобитных построек и обнесён по периметру высоким забором. В нём мы отрабатываем действия разведчиков в условиях, максимально приближённых к боевым: ведём наблюдение, осуществляем засады, налёты или отражаем их, также прочёсываем кишлак, снимаем часового, берём «языка».

На занятиях в горах мы проходим тактическую подготовку разведподразделений: двигаемся в боевом разведывательном дозоре, в основной группе, учимся ведению боя в гористой местности. Во время многокилометровых марш-бросков с полной выкладкой к строю роты часто присоединяется обладающий отличной спортивной формой командир роты. Он легко пробегает с нами расстояние до конечного пункта и обратно, сохраняя при этом силы и свежесть

Старший лейтенант В.И. Ровба, на мой взгляд, это и есть эталон советского офицера. Его по праву можно называть «советской военной угрозой»! Высокий, сухощавый, подтянутый, выцветшая от зноя полевая форма чиста и идеально выглажена, борта панамы слегка приподняты, ремень и портупея затянуты, на груди планка медали «За Отвагу». При разговоре сквозь русые усы проблёскивает стальная фикса. Он обладает редким даром — не ругается матерными словами, он ими разговаривает.

---

¹ АКС-74 — автомат М.Т. Калашникова АКС74, складной укороченный вариант, калибра 5,45.

² ПКМ — пулемёт М.Т. Калашникова, модернизированный.

Всем служащим под его началом разведчикам запомнятся его крылатые фразы, типа «на гражданке вор, в армии разведчик», «рождённый быть застреленным на mine не подорвётся». За строгий нрав, справедливость и тонкое чувство юмора, он снискал уважение многих призывов войсковых разведчиков, которых подготовил к службе в Республике Афганистан. В начале 80-х В.И. Ровба сам служил «за речкой» в провинции Газни. За боевые заслуги его наградили медалью «За Отвагу». Хочу тебе сказать, Андрей, для офицера эта награда особая. За храбрость ею принято награждать солдат. По возвращении из Афганистана старший лейтенант В.И. Ровба был назначен командиром разведывательной роты в нашем учебном полку. Он, командиры взводов Крылов, Певцов, Кара, старшина и сержанты прививают нам гордость за службу в разведке. Служить под их командованием для нас — Сидора, Монгола, Костяна, Руста, Стрелы и меня — особая честь. О, брат! Мне уже машет старшина. Иду на ковёр. Обними отца, поцелуй маму. Твой брат-близнец Иван.

КИШЛАК МАЙДАН

Единственным местом рядом с ГУЦ «Шерабад», где в дали от цивилизации теплилась какая-то жизнь, был расположенный в трёх километрах кишлак Майдан. Он раскинулся в подножье гор, вскрай окаймлённого зарослями высокого густого камыша пруда, в котором водились мириады карасей. Рыбу в пруду никто не ловил, оттого что в пищу её не употребляли. Местные жители занимались скотоводством, выращиванием бахчевых культур и фруктов: арбузов, дынь, персиков, абрикосов, винограда, хурмы. Во многом структура шерабадского общества сохранила дореволюционный уклад. Здесь, на самом юге Узбекской ССР, рядом с афганской границей, советская власть была номинальной. Наследие басмачества явствовало здесь до середины 1960-х годов. К примеру, самой статусной персоной кишлака Майдан в середине 1980-х годов был заведующий крошечным

ИЛЬЯС ДАУДИ

продмагом. Он был сыном местного курбаши, перешедшего с ликвидацией басмачества на сторону советской власти. Между тем истрата калорий тяжёлыми физическими нагрузками, отсутствие нормального питания, в особенности мучного и сладкого, наталкивали курсантов-разведчиков на мысль о целесобразности установления с жителями Майдана делового контакта. Почин ждал случая.

С первого же дня курсантской службы на Термезском полигоне Руст расположил к себе экипаж БРДМ-2¹ разведроты — двух азиатов: механика-водителя Надира и наводчика-оператора Махмуда, уроженцев Средней Азии, прослуживших к тому времени уже полтора года. В силу азиатской ментальности НаDIR и Махмуд были людьми благодетельными и в бившей ключом жизни разведроты держались особняком. Услышав их меж собой общение на узбекском языке, Руст удивился его сходству с родным татарским и в сжатые сроки решил им овладеть. День за днём он вслушивался в узбекскую речь Надира и Махмуда, помногу общаясь с ними обоими и кругом их соотечественников во всей части: в столовой, в пункте розлива чая, на ночных земляческих посиделках в пустыне за готовкой плова. Повсюду, куда они его брали с собой. В беседах он фиксировал единство узбекских и татарских слов либо их различие. Услышав какие-то незнакомые слова, Руст неотложно уточнял их значения. Он не стеснялся ошибок в произношении. Говорил, поправлял себя и снова говорил. В кругу узбеков молвь он вёл исключительно на их языке. Как мог. Когда затруднялся подобрать узбекское слово, вставлял татарское. Надо отметить, в большинстве случаев это было к месту, поскольку слова совпадали. Так за короткое время Руст существенно увеличил словарный запас и расширил темы общения. Оценив его усердие в языкопознании, соответствие этикету и приверженность восточным традициям, НаDIR и Махмуд ввели Руста в узкий круг своеземцев, занимавших в части тёплые хозяйственные места: на складах, в столовой,

---

¹ БРДМ-2 — бронированная разведывательно-дозорная машина.

чайхане. Потенциал по добытию продовольствия для себя и друзей Стрелы, Костяна, Сидора, Монгола и Костра на территории частикратно возрос, решаясь мирным путём. Поддерживая постоянное общение с Надиром и Махмудом — уроженцами Узбекистана, первый из Кашкадарьинской области, второй — из Бухарской, Руст услышал, как в пылу, однажды, НаDIR инно назвал Махмуда таджиком. Руст поинтересовался, почему он так говорит узбеку. НаDIR растолковал:

— В городской черте Бухары, Самарканда, Термеза, а также в некоторых районах Кашкадарьи, Сурхандарьи и Ферганской долины Узбекской ССР главным языком населения является таджикский, он же фарси. Это их родной язык. Они же фарсы. Живут там издревле, задолго до нашествия в Азию тюркских племён. На фарси говорят в Таджикистане, Иране, Афганистане. Безусловно, в зависимости от региона он имеет различие некоторых слов и в произношении. В Афганистане, например, этот язык называют дари или фарси-кабули. Он один из их официальных языков.

— О! — отрадно воскликнул Руст. — Значит, родной язык Махмуда — это таджикский! И на нём также говорят в Афганистане?! Это же здорово! Получается, мне представился редкий случай нахвататься слов бытового общения и на нём.

Время покажет, что познания узбекского и таджикского языков весьма пригодятся Русту в Афганистане. А пока он усердно штудировал языки в пределах части. Так, волею случая, в один из дней, в беседе с местным жителем — водителем ЗИЛа-водовозки, привёзшим в ГУЦ воду, Руст узнал, что заведующий продмагом Майдана Хамидулла меняет рюкзак урюка на одно не новое солдатское одеяло, но бартер проводится только в кишлаке. В довесок к этому он выяснил подробную локацию магазина и дома Хамидуллы, и безотложно поделился информацией с Сидором, Монголом, Костяном, Костром и Стрелой.

— Одеяла я беру на себя! — посулил Сидор. — На подсоб мне будут нужны две пары рук. К примеру, ты, Стрела, и ты, Костёр.

ИЛЬЯС ДАУДИ

Так и решили. Вечером после ужина в полковом кинотеатре под открытым небом показывали киноленту «Пираты XX века». На её просмотр поспешил весь личный состав ГУЦ, в том числе и заведующий вещевым складом старший прапорщик Несвитайло. Он занял место в среднем ряду и сразу охватился остросюжетностью боевика. Пока Несвитайло соперничал попавшим в перипетию героям, споркий Сидор вытащил из его кармана связку ключей, открыл амбарный замок вещевого склада и вместе со Стрелой и Костяном вынес оттуда тридцать не новых солдатских одеял. Пока вся рота была на фильме, они занесли их в палатку и, плотно забив в шесть рюкзаков, спрятали под койками. Затем Сидор спешно вернулся к смотревшему кино старшему прапорщику Несвитайло и тихонько подложил к его ногам ключи. После вечерней поверки и наступления темноты, дождавшись, пока все заснут, Руст, Костёр и Монгол спешно двинули в путь.

— Парни! — толковал Костру и Монголу пролезший под колючей проволокой первым Руст. — К кишлаку ведут два пути: лёгкий и сложный. Лёгкий простирается по обочине асфальтовой дороги от контрольно-пропускного пункта КПП ГУЦ до восточной окраины Майдана. Он короче и удобнее, но! В дороге весьма вероятны встречи с офицерами части, грозящие большими неприятностями. Сложный пролегает по дну петляющего ущелья от душманского кишлака до стыка с тыльной частью кишлака Майдан. Он длиннее и труднее, но! Из неудобных встреч никого, кроме шакалов, не предвещает.

— Не! — отверг с улыбкой Монгол. — Неприятности нам не нужны. Предлагаю двигаться по сложному пути. Лучше быть съеденными шакалами, чем обречь всю роту на распекаание командиров.

— Соглашусь с тобой, — поддержал его Костёр.

— Хорошо, — резюмировал Руст, — идём по ущелью.

Путь к Майдану освещали яркий полумесяц и россыпь серебряных звёзд. Время в пути пролетело быстро. Спустя сорок минут горы расступились, явив долину.

— А вот и Майдан! — констатировал Руст.

— Как же в этой непроглядной тьме отыскать магазин, — недоумевал Костёр, — не говоря уже о доме завмага.

— Надо постучаться в ворота ближайшего из жилищ и попросить хозяев указать нам верный путь, — предложил Монгол.

— Так и сделаем, — согласился Руст.

Руст постучался в прикалиток ближайшего дома. Спустя минуту послышался скрип внутренней двери, и из ворот появился невысокого роста, коренастый бородатый мужчина. Он окинул служивых взглядом и, увидев на их плечах рюкзаки, спросил: «Магазин?» Друзья согласительно кивнули. Мужчина, бросив домашним слово, вышел и повёл их по холмистой местности. Вчетвером они молча спускались и поднимались по узким улочкам Майдана, пока Руст не прервал тишину и не заговорил по-узбекски:

— Я Рустам, а это Иван и Дархан.

— Моё имя Хасан, — представился проводник и продолжил ход.

Пройдя приблизительно пятьсот метров, Хасан и друзья подошли к высоким воротам, розного габаритами дома. Сильным стуком круглой кованой ручкой в прикалиток железных ворот Хасан разбудил хозяина дома. Спустя минуту к ним вышел среднего роста, смуглый, сухощавый мужчина, с гладковыбритой головой и густой чёрной бородой.

— АсСаламу Алейкум, Хамидулла-ока! — учтиво поздоровался Хасан, истово приложив ладонь десной к сердцу и слегка склонив голову. — Солдаты по вашу душу.

К разговору на узбекском языке тотчас подключился и Руст. Он представил себя, Костра и Монгола, объяснив следом причину позднего визита. Хамидулла зашёл за ключами и, разбудив пятнадцатилетнего сына Халима, соборно с друзьями направился к компактному глинобитному строению, расположенному на куполе ближайшего холма, с вывеской

ИЛЬЯС ДАУДИ

«Магазин». Хасан, посчитавший свою миссию выполненной, собрался было уже уходить, но заметивший это Руст попросил его:

— Хасан! Вы могли бы остаться ненадолго с нами? Мы хотим вас отблагодарить. И потом, выбраться с вашей помощью из кишлака нам будет гораздо легче.

Хасан замешкался.

— Ну, если Хамидулла-ока не будет возражать, — допустил он, поглядев на завмага.

Хамидулла кивком головы выразил согласие. Когда все уже стояли у магазина, он споро открыл грузный навесной замок, высунул дужку из проушины и, оттянув кованую перекладину, отворил дверь. Пройдя вовнутрь, Хамидулла включил свет и прошёл за длинный деревянный прилавок, вадно призвав Руста выложить на него все одеяла. Тихо напевая, он расправлял и тщательно осматривал в поисках порчи каждое. В итоге, три из тридцати одеял из-за мелких дырок забраковал.

— Итак, — с патетикой резюмировал Хамидулла, — к окончательному расчёту предлагаю двадцать семь рюкзаков урюка!

Руст, едва скрывая радость, вопрошающе поглядел на Костра и Монгола. Они единодушно кивнули головами.

«Неплохое начало, — одухотворился мысленно Руст, — главная задача выполнена! Деловые отношения завязались».

— А три эти, — Руст податно свернул вчетверо забракованные Хамидуллой одеяла и вручил Хасану, — мы с благодарностью передаём вам.

С этим Руст пожал ему руку. Было заметно, что Хасан испытывает лёгкую неловкость.

— Но это ещё не всё! — с усладой благовествовал Руст. — К этому будет и придаток.

В завершение сделки Хамидулла скомандовал сыну Халиму спешно наполнить рюкзаки урюком. Юноша тотчас удалился. Хамидулла, также был рад новому знакомству и общению Руста на узбекском языке.

— Мой рабочий день ненормирован, — информировал он, — когда дверь продмага заперта, меня можно отыскать дома. Ночью и днём я к вашим услугам!

Спустя короткое время появился Халим. С ним были связанные в цепь пять серых ишаков, навьюченных двадцатью семью рюкзаками ароматного урюка. Халим держал за узду головного с готовностью сопроводить Руста, Костра и Монгола с грузом в часть. Поздравив друг друга с почином и выразив желание расширить сотрудничество, участники бартера попрощались. Друзья и Халим оставили Хасана у его дома, дополнив ему в благодарность рюкзак урюка, и торопко втянулись в ущелье. Ночь шла на убыль. В расположение роты друзьям требовалось вернуться за час до команды подъём. Опоздание грозило столкновением с просыпавшимся по обыкновению раньше времени старшиной Толстопёровым и зауряд с проборкой, экспроприацией урюка нацело. К тому же, по прибытию рюкзаки следовало где-то успеть спрятать. Быстро добравшись до окраины ГУЦ и разгрузив в подоле ишаков, друзья попрощались с Халимом. Костёр и Монгол остались стеречь поклажу, а Руст поспешил позвать Сидора, Стрелу и Костяна, чтобы поднять всё разом. Спавшая в ранний час рота проснулась от шума при заносе в палатку рюкзаков с урюком. Три из них друзья безотложно поднесли старшине и сержантам, дабы они не изъяли все. Остальные двадцать три распределили по трём взводам роты.

Сотрудничество Руста и Хамидуллы продолжилось, завязавшись в добрые отношения. Хамидулле импонировало, что Руст татарин, мусульманин, говорит по-узбекски и предприимчив. Узнав, что к нему должен приехать отец, Фархад Мисбахетдинович, Хамидулла настаивал, чтобы он непременно остановился в его доме. Впрасол к приезду отца «за успехи в боевой и политической подготовке» командир разведроты объявил Русту трое суток увольнительных. Хотя сутки и неполные: с утреннего развода до вечерней поверки, — ночи нужно было проводить в ГУЦ, всё же времени для общения с отцом было достаточно.

ИЛЬЯС ДАУДИ

По предложению Руста и уговорам Хамидуллы, Фархад Мисбахетдинович остановился в его доме. Вопреки отказу брать плату за проживание и питание Фархад Мисбахетдинович дал согласие, поставив это непреложным условием. Три дня, пока он гостил в Майдане, они с Рустом гуляли по округе, рыбачили на пруду, беседовали за чаем на топчане террасы, выходявшей в сад, и много говорили о жизни.

— У тебя нет желания остаться? — спросил Руста Фархад Мисбахетдинович между делом. — Имею в виду, не лететь в Афганистан?

— Как ты себе это представляешь?! — изумился Руст. — Все мои друзья отправятся «за речку», а я останусь служить в Союзе? Это исключено! И прошу тебя, не предпринимай каких-либо действий на сей счёт. Это будет постыдным поступком, за который мне придётся корить себя всю жизнь.

— Ты исполнен романтики! — отметил Фархад Мисбахетдинович. — А понимаешь ли ты, что на войне люди гибнут?! Многие из тех, кому посчастливится выжить, возвратятся домой искалеченными, как твой безногий дед Ахмадулла или другой твой дед Мисбахетдин, полностью оглохший. Будут среди них и целиком лишившиеся зрения. Ты хочешь себе такой участи?!

— Я понимаю твоё беспокойство, — проникся Руст. — Вместе с тем это моя жизнь. Афганистан — это вызов моему поколению! Почему же я должен быть в стороне?!

— Ну, хорошо! Романтика романтикой, но о нас-то с мамой ты подумал?! — взывал Фархад Мисбахетдинович.

— Не переживайте! Всё будет хорошо! — уверял Руст.

— Хорошо! — отпустил отец. — Я сказал тебе своё мнение. Решай сам! Только гляди, не пришлось бы потом о своём решении пожалеть, — предостерёг отец.

— Я не пожалею! — обязался Руст, абие спросив отца. — А что сподвигло тебя к этому разговору?

Фархад Мисбахетдинович, взял паузу и, нехотя поведал:

— Вчера поздно вечером, когда ты ушёл в расположение роты, мы беседовали с Хамидуллой о жизни. С чего-то вдруг он со

мною разоткровенничался и сообщил, что у него есть связи, позволяющие удержать тебя от отправки в Афганистан. Он сказал, что считает тебя перспективным парнем. Ему импонирует, что ты мусульманин, говоришь по-узбекски, учишься в Москве и так далее.

— Чего же он хотел взамен? — удивлённо спросил Руст.

— Я пропустил подводку к разговору, — ответил отец, — не хотел развивать тему, не зная твоей позиции.

— Спасибо тебе! — поблагодарил Руст.

Вечерело. Неожиданно появилась юная дочь Хамидуллы, Дильбар, принёсшая чайник горячего чая и менажницу, наполненную орехами и изюмом. Зримо ей было лет тринадцать-четырнадцать. Две её сплетённые чёрные косы при движении разлетались по сторонам либо достигали середины присущего Сурхандарье ярко-красного платья куйлак. В тон ему снизу выглядывали короткие, с орнаментальной каймой штаны лозим. На голове Дильбар была расшитая яркими нитками куполообразная тюбетейка дюппи. На протяжении всего времени, пока Фархад Мисбахетдинович гостил в доме Хамидуллы, она старательно ухаживала за ним и приходившим в увольнение Рустом: подавала еду, чай, не переставая хлопотать по хозяйству. Осталось так и неизвестно, что хотел от Фархада Мисбахетдиновича взамен Хамидулла, предлагая помочь его сыну избежать отправки в Афганистан. Но у Руста впереди были большие планы.

Время стремительно шло вперёд. Завершался трёхмесячный курс подготовки в Афганистан. Накануне в ГУЦ Шерабад из Ташкента прибыла группа старших офицеров разведотдела ТуркВО, курировавшая подготовку войсковых разведчиков. По итогам показательных выступлений по тактико-специальной подготовке и рукопашному бою, проведённым в душманском городке ГУЦ, подопечные старшего лейтенанта Ровбы были экзаменованы на высшую оценку. С завершением горной подготовки Сидор, Костян, Стрела, Костёр, Руст и Монгол вместе с другими курсантами из ГУЦ Шерабада возвратились на Термезский полигон и ждали отправки «за речку».